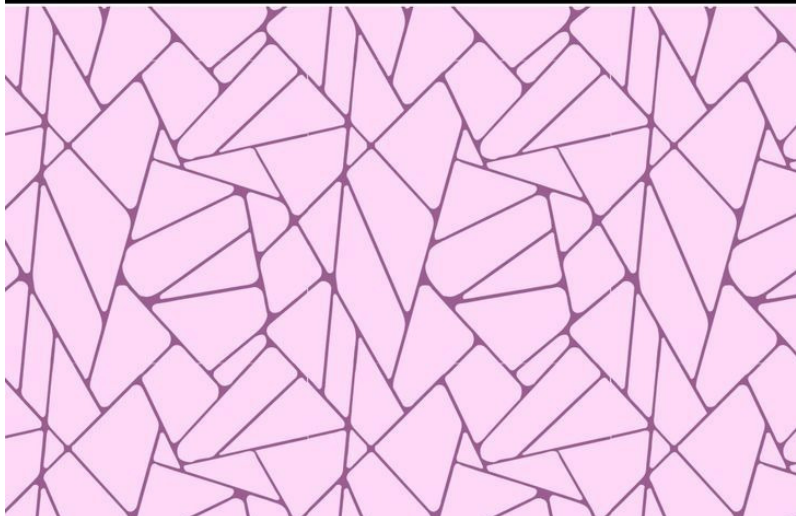

18+ Александр Соболев

*Первый,
второй,
третий...*

Александр Соболев

Первый, второй, третий...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63830857

ISBN 9785005317070

Аннотация

Нелегко быть молодым. Хочешь исправить мир, хочешь сделать его лучше, добрее, светлее. А мир не хочет. Сурова и трагична жизнь наших героев, обычных мальчишек с нашего двора. Это не золотая молодежь. Это мы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ОППОЗИЦИОНЕР	7
Глава 1	7
Глава 2	35
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	103
Глава 6	116
Глава 7	128
Глава 8	140
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Первый, второй, третий...

Александр Соболев

© Александр Соболев, 2021

ISBN 978-5-0053-1707-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

– Если долго идти, можно дойти до края земли, – сказал первый.

– Дурачина, земля – круглая. У нее нет края, – возразил второй.

– Жаль, – ответил третий, – мне бы хотелось, чтобы край земли был.

– Зачем? – спросил первый.

– Мне хочу, чтобы на Земле был такое место, что дальше идти некуда, – ответил третий.

– Зачем? – спросил второй.

– Должно быть такое место, что отступать нельзя и идти не куда, – ответил третий.

– Зачем тебе такое место? – не понял первый.

– В этом месте всё должно быть предельно честно и правильно, – ответил третий.

– Зачем? – не сдавался второй.

– Это как бы нулевой уровень. От этого места можно выстраивать измерители справедливости, доброты, правды, любви. А если нет шкалы, то как все измерить, – спокойно ответил третий.

– Ты пойдёшь на край земли? – спросил первый.

– С такими друзьями, как вы, конечно, пойду, – уверенно ответил третий.

– Тогда чего мы ждем? – спросил второй, – пошли?

– Пошли, – ответил третий.

Друзья встали, взялись за руки, и пошли в сторону заката.

Конец света должен быть именно там.

ОППОЗИЦИОНЕР

Глава 1

Тимур собрал рюкзак, кинул в него пластиковую полулитровую бутылку воды, тетрадку с ручкой, фотоаппарат, бейсболку. Сунул под мышку приготовленный вчера плакат с надписью: «Даешь честные выборы». Чмокнул Риту в щечку и вихрем выбежал на лестничную площадку. Демонстрация скоро начнется, он немного опаздывал. Нехорошо подводить соратников по протестному движению.

Рита смотрела на Тимура с грустью. Вчера вечером состоялся неприятный разговор, она еще не успела толком отойти и успокоиться. Рита не хотела, чтобы он шел на демонстрацию. Мероприятие не было согласовано с властями города Москвы. Существовала большая вероятность того, что Тимура арестуют, оштрафуют, и вообще могут посадить в тюрьму на длительный срок. Никакие доводы Тимур слушал, отмахивался, уходил в комнату и продолжал подготовку к митингу.

Рита долго плакала на кухне, потом позвонила матери Тимура, все ей объяснила. Вера Павловна жила от сына в двух остановках метро, недалеко от станции «Октябрьское поле». Через тридцать минут мама была у них в гостях. К сожалению

нию, она не помогла отговорить Тимура от опрометчивого поступка. Вера Павловна, скорее успокаивала Риту, а Тимура поддерживала:

– Понимаешь, Рита, мужчина в жизни должен быть умным, решительным и ответственным. Когда страна в опасности, не достойно отсиживаться в уютных квартирах. Кто-то должен встать на защиту сил добра и света. Понимаешь?

– Вера Павловна, ну как вы так можете? Его же арестуют, посадят в тюрьму. На прошлой неделе арестовали больше ста человек. Сейчас идут суды, многие не вернутся домой. А если его ударят или покалечат? – не успокаивалась Рита.

– Я воспитывала сына, чтобы в первую очередь он был честным и порядочным человеком. Если его совесть не позволяет ему сидеть дома в трудное для страны время, он должен пойти туда и выполнить свой долг. Ведь мы, женщины, любим наших мужчин за то, что они настоящие, что они могут пойти и решить проблему, а не отсиживаются по углам, как крысы.

– Я думала, вы мне поможете. А получается, толкаете его на улицу прямо в лапы полицейских, – Рита заплакала, слезы потекли, размазывая тушь по щекам.

Вера Павловна присела рядом с Ритой на диван, обняла ее за плечи:

– Я доверяю своему сыну. Я его очень хорошо воспитала. Он никогда не обидит младшего или слабого, он никогда не поднимет руку на женщину или ребенка, никогда не бро-

сит друга в беде. Если мужской долг толкает на отважные поступки, мы не должны его останавливать. Можно поговорить, можно предупредить. Но, не настаивать или запрещать. Какой же это будет мужчина, если будет сидеть рядом с женской юбкой, и во всем слушаться слезливых теток?

– Давайте поговорим, давайте объясним, – не останавливалась Рита.

– Давай поговорим, но ты должна успокоиться. Давай вести себя достойно и слезы не лить. Хорошо?

– Хорошо.

– Иди в ванную, умойся. Приведи себя в порядок. А я пойду поставлю чайник. Устроим семейное чаепитие.

Вера Павловна поставила чайник. На стол выставила кружки. Не дожидаясь пока из ванной появится Рита, она постучалась в комнату к сыну:

– Здравствуй, сынок. Открой, пожалуйста, мне надо поговорить с тобой.

– Привет, мам, – Тимур открыл дверь, – ты откуда здесь?

Вера Павловна зашла в комнату Тимура, огляделась. Задержалась на секундочку у еще незаконченного плаката.

– Мне Рита позвонила. Она за тебя сильно переживает.

– Мам, не обращай внимания. Пройдет, – отмахнулся Тимур.

– Тимурчик, дорогой, может, и пройдет. Но ты не прав. Так нельзя, – Вера Павловна присела в кресло у рабочего стола.

– Мама, прошу тебя только не начинай. Я не могу не пойти. Там будут все мои товарищи. Мне надо быть там!

– Я не собираюсь отговаривать тебя. Я хочу поговорить с тобой совсем на другую тему.

– Какую? – спросил Тимур, не понимая куда клонит мать.

– Я про отношения с Ритой. Так нельзя, твоя девушка в слезах, а ты сидишь, закрывшись в комнате. Ты ее не любишь? Тогда не морочь девушке голову, – мать выглядела, как строгая учительница.

– Люблю я ее. Что ты такое говоришь? – отмахнулся Тимур.

– А я не вижу, что ты ее уважаешь и ценишь. По крайней мере, так с любимыми не поступают. Я тебя так не воспитывала. Если ты решил спасти Родину и отечество – спасай. Но зачем травмировать близких?

– Как мне ей объяснить? Она ничего не хочет слушать. Поверь мне. Я говорил и объяснял. У меня ничего не получается, – Тимур пожал плечами.

– Ты – мужчина. Ты должен решить проблему. Не дело доводить домашних до истерик и слез. Тебе надо подойти и объяснить, показать, доказать. Это твое дело. Если не сможешь, то надо сделать выбор: либо изменить методы политической борьбы, либо выбрать другую девушку, которая будет принимать твою жизнь такой какой она есть. Портить жизнь друг другу нельзя. Рита – очень хорошая девушка, она тебя любит. Я это вижу. Но, возможно, для жизни политка нужна

другая, не такая домашняя, не такая добрая.

– Хорошо, я попробую, – ответил Тимур.

– Ну, и хорошо. А сейчас пойдем пить чай. Я принесла печенье.

Они вышли друг за дружкой на кухню. Рита накрыла стол: варенье, печенье, бутерброды с маслом и сыром.

– Что я тебе говорила? – обратилась Вера Павловна к Тимур, – ты просто не стоишь мизинца этой девушки. Она просто чудо.

Рита покраснела, засмушалась. Настроение у нее несколько улучшилась. Затем девушка налила всем чай.

– Риточка, я поговорила с Тимуром. Он обещал исправиться.

– Спасибо вам Вера Павловна, – ответила Рита.

– Не за что. Я вообще считаю, что он не достоин тебя. Тимур – законченный избалованный эгоист. Я его воспитывала одна, он толком не знает, как обращаться с женщиной. В этом много моей вины. Я не смогла создать нормальную семью. Мой муж ушел в другую семью, когда Тимурчику было всего пять лет. С тех пор его отца мы не видели ни разу.

– Да, мне Тимур все рассказал. Я знаю, – ответила Рита.

– Тимур, может это у тебя наследственность такая. Может ты не пропускаешь ни одной юбки? – Вера Павловна строго посмотрела сыну в глаза.

– Нет. Ты чего, мам? Я не такой, – возразил Тимур, – я Риту люблю, и ей никогда не изменял. На других женщин я

не засматриваюсь.

– Да, Вера Павловна, Тимур не такой. Он очень верный, – подтвердила Рита.

– Жизнь слишком короткая, чтобы тратить ее не всякие глупости. Мне времени не хватает на политическую деятельность, которой думаю посвятить жизнь, – сообщил Тимур, с аппетитом пережевывая бутерброд с сыром.

Собравшиеся на кухне, мило поболтали о погоде, о предстоящих планах на осень. Затем Вера Павловна собралась и поехала домой:

– Дети, мне пора домой. Уже поздно, на завтра наметила много домашних дел.

– Спасибо, что приехала, мама, – Тимур поцеловал мать в щечку.

– До свидания, Вера Павловна, – Рита нежно обняла потенциальную свекровь.

Дверь захлопнулась. Тимур и Рита стояли молча и смотрели на коричневую дерматиновую поверхность входной двери.

– Рита, зачем ты ей позвонила? – первым прервал молчание Тимур.

– Я волновалась. Я думала, что она мне поможет. Ведь она тебя тоже любит, и переживает.

– Мать, кроме того, что любит, еще уважает меня, как личность. Ценит мои взгляды и идеалы. Она никогда не станет запрещать делать то, что я считаю важным и ценным. Она

меня так воспитывала. Если я ошибаюсь, то должен сам себе набить шишки. Сам отвечать за поступки. Потому что я мужчина, прежде всего.

– Я поняла.

– Ты должна понять, что работа для меня очень важна. Если ты не сможешь это понять, то я не знаю, как нам жить дальше вместе. Понимаешь? – спросил Тимур.

– Понимаю. Я попробую, – Рита подошла и обняла Тимура.

– Ты мне очень нравишься, мне с тобой очень хорошо. Но ты должна спокойно отпускать меня на политические мероприятия. Это моя работа. Да, возможно, есть риск. Меня могут задержать полиция. И уже задерживали не раз. Посижу немного, почитаю книжки, и вернусь к тебе. Максимум через месяц. Не скучай здесь без меня. Хорошо?

– Хорошо. А если тебя посадят в тюрьму на год или на два? Я вчера смотрела видео в интернете. Там приговорили одного парня на два с половиной года.

– Чтобы его не посадили, мы завтра должны выйти и протестовать. Мы не должны бросать его один на один с нашей несправедливой правовой системой, – Тимур гладил Риту по волосам, а она постепенно успокаивалась, зарываясь в объятия любимого мужчины.

– Я тебя люблю, – Рита посмотрела Тимур в глаза.

– Я тебя тоже люблю, – ответил Тимур.

– Я постараюсь тебя понимать, относиться к твоим поли-

тическим похождениям с пониманием, – сказала Рита и поцеловала Тимура.

Тимур с удовольствием погрузился в сладкие девичьи губы. Он страстно прижал к себе любимую. Через минуту они переместились на кровать. Не прекращая целоваться, они разделись. Молодые тела обрадовались встрече друг с другом. Чутко откликаясь на каждое прикосновение и ласку, влюбленные быстро достигли пика наслаждения...

Тимур лежал на спине, гладил Риту по плечу. Любимая лежала у него на груди и мерно посапывала. Рита достаточно быстро заснула. Тимур не заснул. От того ли, что завтра предстояло важное событие? Или из-за разговора с Ритой? Зачем она позвала маму? Ведь Тимур взрослый и серьезный мужчина. Он зарабатывает на съемную квартиру. Он обеспечивает себя и девушку. Однако, Тимур остро чувствует несправедливость окружающего мира. Мало того, он думает, что сможет исправить ситуацию. Он сможет сделать нашу страну более комфортной, честной и приветливой.

Почему вместо того, чтобы готовиться к завтрашнему выступлению, писать речь, готовить плакат, он лежит и успокаивает свою девушку? Почему Рита не может понять и не мешать? Ведь также можно и потерять друг друга. Если станет вопрос: выбрать Риту или политическую деятельность? Что выберет Тимур? Вопрос был сложный, но после минуты сомнений, он предпочел бы карьеру. Так ему казалось. А девушка? Ничего страшного, будут другие девушки, мо-

жет быть, красивее, добрее и лучше. Главное, чтобы спутница понимала и разделяла его взгляды.

Ладно, поживем-увидим. Тимур аккуратно вылез из-под объятий Риты, накинул на себя халат, и выскользнул из спальни. Он зашел на кухню, налил себе полстакана кефира и вернулся в кабинет. В съемной квартире было две комнаты: спальня и кабинет Тимура. Рите было достаточно места на кухне. Там было ее личное пространство, она не жаловалась.

В кабинете Тимур провел до трех часов ночи. Он дорисовал плакат. Накидал конспект пламенной речи. Проверил электронную почту. Ответил на некоторые сообщения. И только после этого, пошел спать.

С утра он встал несколько разбитым и уставшим. Проспал на два часа, будильника не слышал. Но чашка крепкого кофе, пара бутербродов, и он снова в строю.

В метро было пустынно, как бывает в воскресный день в первой половине дня. Пересадка на станции «Лубянка», и через пять минут он на станции «Красные ворота». Митинг не был согласован с мэрией города. Но все участники знали, что сегодня будет мероприятие. Никто не скрывался. Запальный, Дубков и прочие организаторы открыто призывали людей выходить на улицу и протестовать против произвола властей на предстоящих выборах. Все надеялись, что, если придет много людей, то полиция не сможет применить силу, и демонстранты добьются поставленных целей. Пока-

жут власти, что есть реальная оппозиция, что с ними надо считаться.

Но власти города и полиция смотрели на предстоящее событие с другой колокольни, и не хотели допускать массовости. Практически все главные организаторы митинга были задержаны с утра на выходе из подъездов. Тимур, вероятно, еще не был столь значимым и большим политическим деятелем. Его у подъезда не арестовали, хотя у Тимура был круг последователей и единомышленников, был канал на Ю-Тюбе.

В вестибюле метро толпились полицейские, которые внимательно вглядывались в лица проходивших людей. Что-то сообщали по рации, дальше просматривали немногочисленный поток. Рутина, ничего личного. Тимур встретился глазами с сержантом полиции, сразу понял, что его опознали. Плакат свернутый трубочкой под мышкой не оставлял никаких сомнений о причинах появления Тимура на станции «Красные ворота» в этот обычный воскресный день. Сержант полиции правой рукой поднес рацию и сказал несколько коротких фраз.

У Тимура слегка екнуло сердце. Но он не остановился ни на секунду. Охота началась. Это было одно из необходимых условий. Жертва – добыча. Кто кого переиграет. Находясь на эскалаторе, Тимур вывернул куртку наизнанку, и она изменила свой цвет из коричневого на темно-зеленый. На голову он водрузил бейсболку. Тимур быстро развернул пла-

кат, сложил несколько раз пополам, так, чтобы он уместился в рюкзаке. Все, он готов к выходу на свет.

Его не остановили ни у турникетов, ни на выходе на улицу. Видимо сработало его перелицевание. Направо от выхода стоял пикет полицейских, они проверяли паспорта желающих пройти на митинг. Тимур мгновенно оценил ситуацию, и повернул налево. Чтобы попасть на проспект Академика Сахарова, Тимур пришлось поплутать по переулкам. Пару раз он натыкался на пропускные пункты полицейских. Ох, не хотели они этой акции. Сильно не хотели.

Примерно через двадцать минут ему все-таки удалось выйти на заветную улицу. Он шел по проспекту Сахарова широкими шагами, с высокоподнятой головой. Вокруг собирались группы людей, молодые и энергичные, в возрасте и с плакатами. В воздухе витал дух единства, свободы и правды. Тимур это безумно нравилось. Вот для чего стоит жить, вот ради чего не хотелось бы, но можно и умереть.

Издаലെка он увидел своих товарищей Вовку и Петра. Ускорил шаг. Весело помахал им рукой. Краем глаза заметил, что на перерез ему спешат трое космонавтов в черных костюмах и шлемах. Тимур немного изменил траекторию своего движения влево и ускорился. Росгвардейцы тоже ускорились. Сомнений не было – его будут брать. Ну, почему он не успел ничего? Как обидно! Тимур перешел на быстрый шаг, но не успел он пройти и двадцати шагов, как был остановлен грубым ударом сзади по ногам.

– Стоять! – крикнул один из нападавших.

Тимур упал на асфальт, выставив вперед руки. Трое здоровых мужиков в униформе умело закрутили ему руки, защелкнули сзади спины наручники. Пару раз для порядка ударили в солнечное сплетение.

– За что? Вы не имеете права? – пытался протестовать Тимур.

На что мгновенно получил увесистый подзатыльник и удар в низ живота. Дыхание у Тимура перехватило, он согнулся. Его не оставили в покое. Два росгвардейца взяли Тимура под руки, и понесли на край проспекта, где стоял специальный зарешеченный автобус. Тимур видел, как к нему навстречу кинулись Вовка и Петр. Они что-то кричали, но он ничего не разобрал. Проходившие люди выхватили свои смартфоны и начали снимать процесс ареста.

– Объясните, причину моего ареста, – не сдавался Тимур, повиснув на сильных руках полицаев.

– Тебе в тюрьме все объяснят, мразь, – услышал он в ответ.

– Это не справедливо, – пытался возразить Тимур.

– О чем это ты? Лучше помолчи, тебе же лучше будет, – дал совет росгвардеец слева.

Перед зарешеченным автобусом его обыскали, выкинули из рюкзака бутылку с водой. Ударив для острастки еще пару раз в живот, затолкали внутрь. Здесь он был одним из первых. Внутри был только какой-то волосатый парень-хиппи

и интеллигентного вида старичок.

Неудачный сегодня для него выход. Ничего Тимур не успел, а хотелось сказать собравшимся людям речь, завести толпу. Чтобы митингующие радостно поддерживали и сканировали:

– Вы хотите жить в свободной стране? – должен был крикнуть Тимур.

– ДА!!! – ответила бы толпа.

– Вы хотите свободные и честные выборы? – продолжил бы Тимур, распаляя страсти.

– ДА!!! – подхватили бы тысячи голосов.

– Вас не остановят тысячи полицейских преступного режима?

– НЕ ОСТАНОВЯТ!!! – услышал бы он в ответ с проспекта.

Видимо, так будет в следующий раз...

Тимур прижался спиной к стене, прощупал ребра, промежность. Вроде все цело, хотя и побаливало. Почему в нашей стране много насилия? Нет, с этим мириться невозможно, неправильно. Он не сдастся! Он будет бороться! Они его не знают. Надо быть следующий раз похитрее. Можно придумать какой-нибудь парик и темные очки? Вообще, бред какой-то...

– А вас, молодой человек, за что арестовали? – спросил старичок.

– Мне ничего не объяснили. Я хотел участвовать в митин-

ге за свободные выборы, против произвола властей, – ответил Тимур.

– Вы революционер? – старичок явно был болтливым и стосковался по общению.

– Вообще то нет. Я за независимое и честное голосование на выборах. Я за конституционную сменяемость власти.

– Вы наивный молодой человек. Неужели вы думаете, что наши элиты когда-нибудь отдадут власть и полномочия честно и, тем более, добровольно?

– Не знаю, хотелось бы в это верить. Революция – это море крови, это не хорошо. Я бы так не хотел, – ответил Тимур.

– Тогда ваши лозунги бессмысленны. Вы ничего не добьетесь. Зря теряете время. Уж я-то знаю, – старичок с хитринкой прищурился и поправил очки.

– А вы как сюда попали? – поинтересовался Тимур.

– Я сюда попал как раз за дело. Я сделал замечание милиционерам, что они должны защищать народ от несправедливой власти, а не власть от народа. Потом я им рассказал, как в тридцать седьмом году милиционеры хватали людей, а спустя неделю этих же милиционеров хватали другие слуги народа и расстреливали. Им что-то не понравилось. И вот я здесь. Никто не хочет учиться на чужих ошибках.

– Вы революционер? – спросил Тимур.

– Сейчас уже нет. Революция – дело молодых и горячих. В молодости я был, наверное, революционером. У меня был многотомник работ Троцкого. Тогда это было очень непро-

сто читать и понимать. Но теперь я думаю, Левушка был прав. Надо было делать мировую революцию, и задушить сто лет назад мировую гидру капитализма. Тогда бы не было всего этого.

– Но, получается, вы ничего не добились в жизни?

– Получается, так. Вы правы, молодой человек. Я ничего не добился. И вы не измените мир. Чтобы изменить мир надо ничего не бояться, надо смело идти на пули, на баррикады. А сейчас таких людей нет. Вымерло поколение исполинов духа, которые были раньше. Что-то сейчас вероятно с воспитанием творится не так. Одни слабаки и хлюпики, – старичок высморкался в носовой платок.

– Сейчас развиты информационные технологии и просвещение. Мы можем организовать распространение знаний по всему миру. Можно человечеству донести прогрессивные взгляды и мысли. Мы можем сформировать власть на принципах добра и на основе светлых устремлений.

В клетку закинули двух бритых пацанов в кожаных куртках. Они поздоровались со старожилками, отряхнулись и сели рядом друг с другом в противоположном углу камеры. Тихо между собой что-то обсуждали.

– Наивность вас погубит. Чтобы во всем разобраться, нужно иметь светлую голову, а система образования разрушена. Все серьезные информационные ресурсы контролирует власть, большинство населения смотрят пропаганду по телевизору. Значительная доля населения считает вас зажавши-

мися и ни на что неспособными дегенератами. Народ громко аплодирует, когда вас арестовывают и кидают в тюрьму. Потому что вы им мешаете спокойно жить и ходить по улицам города. Вы им не нужны. Им нужны машины, кредиты, джинсы и жвачка.

– Общество потребления обречено, – неожиданно встрял в разговор хиппи, – будет апокалипсис, люди будут наказаны за свои грехи. Но мессия придет с востока и спасет этот безумный мир.

Старичок снял очки, протер стекла. Посмотрел на хиппи без очков, потом через очки.

– И откуда такие берутся? – внезапно артистично заговорил старичок, – Вот кто ходит на ваши митинги? Им вообще никто не нужен. Нужен мессия! Все дело в том, что кругом грех и дьявол. Проблема таится в человеческих головах, а не в боге. Книжки про бога придумали люди. Веру придумали для того, чтобы управлять человеком иррациональными методами. Потому что так проще. Наговорил белиберды, ткнул пальцем в небо, грешники упали на колени и пошли творить беззаконие с благими намерениями.

– Вы не правы, но я не сержусь. Бог вас простит, бог всех простит. Потому что он велик и любит заблудших овец своих, – возразил хиппи старичку.

– Против фанатичной тупости нет приемов. Я умолкаю, – сообщил старичок, откинулся назад и закрыл глаза.

Разброд и шатания на лицо. Единства не хватает. С та-

кой разномастной компанией ничего не добьешься. Мелкие лидеры будут тянуть одеяло на себя. В результате, на выборах оппозицию обойдут, потому что наши противники едины. Нам надо объединять сторонников под общими знаменами. Надо как увлечь и заинтересовать людей? Нужны простые и понятные идеи. Как это сделать?

Тимур сидел на скамейке и думал о политических перспективах. В чем-то старичок был прав, в чем-то с ним согласиться нельзя. Хиппи вообще дурь какую-то несет. Бри-тоголовым – лишь бы подраться. Как с такой компанией выиграть политическую борьбу? Как разных людей объединить и повести к светлому будущему?

В клетку к ним затолкали еще несколько человек. Вентиляция в помещении была слабая. Становилось душно. Каждый приносил с собой запахи пота, грязи, а иногда и перегара. Тимур попытался представить, что он любит всех этих людей, с их достоинствами и недостатками. Долго их тут еще будут держать? Сколько надо сюда затолкать народа, чтобы отправить в отделение полиции? Тимур пересчитал собравшихся арестантов. Насчитал девятнадцать человек, все сидячие места были заняты. Еще пять – шесть человек и можно будет выезжать.

В чем-то старичок был прав. Акции протеста ни к чему не ведут. Сколько было митингов и демонстраций? Власть их почти не замечает. Все равно делает что хочет, как хочет и где хочет. Тимур считал, что все это из-за слабой орга-

низованности протестного движения. Люди с неохотой идут на улицу. У всех семьи, дети, долги, работа и прочие мещанские ценности. Чтобы выйти на митинг нужно как минимум свободное время, и кроме того, нужно отложить домашние дела и проблемы.

Выйдя на митинг, ты рискуешь попасть в полицию на пятнадцать суток, а может и больше. Могут быть штрафы, а они совсем немаленькие. Это многих отпугивает. Зачем платить большие деньги за возможность прогуляться в выходной день по проспекту Академика Сахарова? Вывод: на митинги ходят только профессиональные политики, думающая молодежь или идейные люди. Таких по определению не много. Все. Круг замкнулся. Мы – в тупике.

Нет. Нет. Нет. Так не пойдет. Мы не привыкли отступать. Власть ведет себя плохо? Да. Плохо. Беспардонно? – Вот именно! Надо что-то делать? – Надо. Наш народ самый начитанный, правда в прошлом, самый талантливый и свободолюбивый. Правда? Хотелось бы так думать. Власть сама выкопает себе яму, народ от них отвернется. Рано или поздно так и будет. Просто надо ждать, работать, информировать людей, нести им свет и правду. Вероятно, это будет нескоро, не сегодня.

В клетку натолкали еще одиннадцать человек, и автозак поехал. Тимур увидел, что кто-то разговаривает по телефону. Блин, надо позвонить Рите, предупредить, чтобы не волновалась. Двумя руками, сцепленными наручниками, он до-

стал телефон из-за пазухи, слава богу тот был цел и не пострадал во время задержания. Тимур набрал номер Риты. Она долго не подходила к телефону. Наверно, сидит себе в ванной, обложившись ароматизаторами, подумал Тимур.

– Алло, слушаю тебя, милый, – наконец услышал он ответ.

– Привет, Рита. Меня задержали. Так что к обеду не жди, – сообщил Тимур.

– С тобой все хорошо? – испугалась Рита.

– Спасибо, все нормально, – ответил Тимур.

– Быстро на этот раз. Куда тебя везут?

– Пока не знаю. Как узнаю – сообщу.

– Много народу собралось на митинг? – поинтересовалась

Рита.

– Я не знаю. Меня забрали прямо на входе. Я ничего не успел.

– Жаль. Обидно, наверно? Ты так долго готовился.

– Да. Обидно. Не все зависит от нас. Следующий раз буду умнее.

– Это точно. Не раскисай. Я тебя люблю. Буду ждать сколько понадобится.

– Спасибо.

– Котлеты на ужин я сегодня готовить не буду. Фарш заморожу, как вернешься, пожарим на двоих и обожремся.

– Договорились.

– Я уже скучаю по тебе, – в голосе Риты послышались падающие на пол слезы.

– Эй, не плакать. Не в первый раз меня задерживают. Наверное, не в последний. Не расстраивайся. Хорошо?

– Хорошо, – Рита всхлипнула и замолчала.

– Ну, все пока. Передай маме, чтобы не волновалась. Я ей сейчас не буду звонить. Хорошо?

– Хорошо.

– Люблю тебя, пока.

Тимур нажал отбой на телефоне. Вроде и понятно, что она переживает. Но, почему в такой момент меня не подбодрить? Почему я должен говорить, чтобы не раскисала, не волновалась? Сейчас я нахожусь в полиции. Меня бьют, мне больно и страшно. Интересно, а бывают такие женщины, которые в самую трудную минуту не расклеятся, соберутся и сделают все правильно, четко и без соплей? Вряд ли. Все они одинаковые, им бы только поплакать.

Разве что мама меня поддерживает и понимает. Тимур редко видел, как мама плачет. Правда, она часто плакала после ссор с отцом. Но это было так давно. Мама всегда уверена в себе, всегда знает, как поступить в любой ситуации. Часто ли она скрывала от сына отрицательные эмоции? Или она действительно железная? Может по этой причине, от нее и ушел отец, когда Тимуру было пять лет? Может мужикам надо, чтобы женщины плакались в жилетку, чтобы мы их защищали, оберегали, поддерживали? Хороший же защитник сейчас из Тимура. Наверное, Рите тяжело томиться и ждать в неизвестности, пока ее парень творит историю, борется

за все хорошее против всего плохого.

Поживем-увидим. Никто легкой жизни не обещал. Тем временем, автозак приехал в полицейский участок, и задержанных начали выгружать, грубо и бесцеремонно подталкивая руками и пинками в приемное отделение. Тимур огляделся, обстановка вокруг была не знакомая. Значит, в этом месте он еще не был. Желающих митинговать закрыли в большой клетке-обезьяннике. Старичок вновь оказался рядом с Тимуром. Но разговаривать у обоих не было желания. Много людей вокруг. Иногда в таких местах бывают подсадные утки и провокаторы. Сейчас лучше помолчать.

Тимур сквозь решетку разглядывал стенгазету и стенд с надписью: «Их разыскивает полиция». Стенгазета не менялась с 9 мая. На ней были фотки, как весело и достойно отмечали представители этого отделения праздник Великой Победы, как силовики поздравляли ветеранов, как переводили бабушек через дорогу. Оказаться в руках представителей закона, согласно такой газете, страшно не было, а скорее даже почетно.

Ксероксные лица разыскиваемых преступников были на одно лицо. Наверное, у преступников всего мира были общие мамы и папы. Когда-то давным-давно, лет триста назад, надо было остановить десяток прародителей современного преступного мира, и мир стал бы чище и светлее. Но теперь уже поздно, они расплодились и расселились по всей планете.

Из клетки выводили под одному или по два человека, уводя в глубины участка, где составляли протокол. Некоторые задержанные через короткое время выходили на свободу с протоколом в руках. Некоторые возвращались назад. Были люди, которые пропадали в лабиринтах участка надолго. Куда их уводили? Что с ними делали? Полицейский участок напоминал собой фабрику по переработке и сортировке людей: 1-й сорт – на выход, 2-й сорт —посиди пока, 3-й сорт – в расход, из тебя уже ничего получится, дерьмо ты этакое.

– Эй, ты в зеленой куртке, выходи, – полицейский жестом позвал Тимура на выход.

– Я? – переспросил Тимур.

– Ты, ты. Давай не задерживай. Сегодня и без тебя много работы.

Тимур встал, немного размял затекшие ноги, и шагнул навстречу неизвестности. Его привели в кабинет, посадили на стул. Наручники пока не снимали.

– Капитан полиции Прохоров Виктор Сергеевич, – представился полицейский.

– Очень приятно, – Тимур пожал плечами.

– Сразу предупреждаю. Юмора не понимаю. Мне не смешно. Прошу отвечать просто, коротко и ясно. Договорились? – полицейский пронзительно посмотрел на Тимура.

– Хорошо, – ответил Тимур.

– Представьтесь, пожалуйста, – уставшим голосом продолжил капитан, взяв ручку и лист бумаги.

– Кротов Тимур Александрович, – ответил Тимур.

Капитан записал в листок фамилию и имя Тимура, затем достал какой-то список. В середине списка поставил галочку, еще раз взглянул на Тимура.

– Очень хорошо, – сказал капитан, растягивая слова и пряча список в ящик стола, – начнем. Тимур Александрович, вы знаете за что вас задержали?

– Нет, не знаю, – Тимур еще раз пожал плечами.

– Вас задержали за участие в несанкционированном митинге. За сопротивление представителям властей.

– Я не успел поучаствовать, и, тем более, не сопротивлялся, – возразил Тимур.

– А знаете почему? – улыбнулся капитан полиции.

– Почему?

– Потому что уже достаточно того, что вы являетесь организатором антиправительственного митинга. Без сопротивления органам, вы нагородили достаточно проблем. Участие в митинге не так страшно. А вот организация мероприятия – это совсем другое дело. Это – реальное уголовное дело.

– С чего вы решили, что я организатор?

– У меня есть список организаторов. Ваша фамилия присутствует в нем. Как вы это делали, я не знаю. Наверное, в интернете призывали людей выходить на улицу, или СМС-ки рассылали.

– Понятно, – Тимур опустил голову.

Он знал, что за неоднократную организацию митингов

могут дать реальный срок. Но такого еще в судебной практике не было. Обычно все заканчивалось штрафами и административными арестами на срок до 30 суток.

– Может штраф? И я пойду? – предложил Тимур.

– Не получится. Вы, похоже, не первый раз. Рецидивист, по-нашему, – сообщил капитан, не отрываясь от составления протокола.

– Жаль.

– Конечно, жаль. Я, конечно, понимаю, что жизнь не справедлива, что власть порой делает неправильные вещи. Но вы же ничего не измените. Сперва заплатите штраф, в следующий раз сядете в тюрьму на пару лет. Ради чего? Оно вам надо?

– Я бы мог вам ответить что-нибудь, но, думаю, что не подходящее место и время для дискуссий.

Капитан демонстративно перевернул лист протокола вниз лицом, отложил ручку.

– Не для протокола. Мне просто интересно. Зачем?

– Ну, хорошо. Я вам скажу. Потому что власть в государстве всегда строится на насилии. Потому что несменяемая власть со временем заедается, и, если ее не останавливать, она становится абсолютной и не справедливой. Чтобы этого не произошло, появляются декабристы, потом народовольцы, за ними революционеры, теперь мы. Когда у нас получается достучаться до власти, та идет на уступки. Жизнь всех людей в стране, становится лучше и светлее. Даже у вас, на-

пример. Хотя вы сейчас на стороне властей.

– И вы думаете, что у митингующих получится достучаться до властей и что-то изменить?

– Если бы я так не думал, то так не поступал.

– Мне искренне вас жаль. Вы, наверное, очень хороший человек. Но служба есть служба, – капитан перевернул протокол лицом вверх, взял ручку, – продолжим.

Капитан записал адрес регистрации, возраст, образование, место работы. Потом спросил, в какое время Тимур вышел на митинг из дома, когда пришел на митинг. Тимур ответил. Затем Тимур сдал личные вещи: телефон, рюкзак, плакат.

– Прочитай, и распишись. Если с чем-то не согласен, напиши внизу, – капитан протянул листок Тимуру.

Тимур внимательно прочитал. С написанным он был в принципе согласен. Капитан, действительно, ничего лишнего не написал. Тимур подписал бумагу, и был готов отправиться в камеру.

– Добро пожаловать в наши хоромы. Удобств немного, но по крайней мере есть крыша над головой и трехразовое питание, – улыбнулся капитан.

– Спасибо и на том, – ответил Тимур, – позвонить можно?

– Вообще нельзя, но звони, – ответил капитан, протянув свой телефон.

Тимур набрал номер матери.

– Алло, мама, привет.

– Привет, Тимур. Как у тебя дела? Ты где?

– Тебе Рита не звонила?

– Звонила. Она сказала, что тебя арестовали.

– Да, так и есть. Сегодня меня не отпустят. И вообще похоже не скоро отпустят. Наверное, на этот раз задержусь на долго...

– Как так?

– Я пока толком ничего не знаю...

Мама на том конце телефона расплакалась, чего Тимур от нее не ожидал.

– Мам, ты чего. Не плачь. Я жив и здоров. Все будет хорошо.

– Хорошо, сынок. Если тюремный срок необходим для тебя и твоих целей, то пускай так и будет. Но, поверь, никакой матери не нравится, когда сын в тюрьме.

– Мам, сейчас двадцать первый век. В тюрьме не страшно. У меня будет адвокат, он все придумает. Я ничего страшного не делал. Я лишь призывал к честным выборам. Неужели это противозаконно и уголовно наказуемо?

– Тюрьма – это ужасное место. В нашей стране нельзя верить в правосудие. Ты не знаешь всех деталей делопроизводства. Ты не знаешь, чего от тебя хотят следователи и судьи, – продолжила мать.

– Мам, я не могу долго разговаривать. Мне товарищ капитан дал телефон на пару минут. Все, давай прощаться.

– До свидания, сынок. Я приду к тебе на свидание. При-

несу вещи, и что там еще требуется.

– Хорошо, мам. Пока...

Тимура привели в камеру предварительного заключения. В камере с ним находились восемь человек, таких же как он неудачных демонстрантов со стажем. Новичков отпускали с назначением штрафа. Камера была достаточно большая, на десять коек. Тимур уже бывал в подобных местах. Он, как опытный заключенный, зашел, представился, ему указали на свободное место. Затем спросили за что арестовали, он ответил.

Тимур лег на свое место. А может все бессмысленно? Может, глупо воевать с ветряными мельницами? Пошел бы лучше в медицинский институт, стал бы доктором. Например, кардиологом. Лечил бы людей, был бы уважаемым человеком. В медицине все более-менее честно и понятно, вот больной, вот лекарства. Бери и лечи, главное вовремя поставить правильный диагноз. Зачем он выбрал экономику? Потому что мать посоветовала. Сказала, что в любое время при любом правительстве люди, которые понимают в экономике, легче себе заработают на нормальную жизнь. Матери нас всегда защищают и хотят, чтобы мы жили хорошо, счастливо и полегче. Самим пришлось в жизни преодолеть много трудностей, и основной обязанностью считают освободить родную кровиночку от тягот и лишений.

А мы, наоборот, лезем куда ни попадая, кидаемся в самые авантюрные истории. Хотим построить новый и светлый

мир. Мам, я еще остепенюсь, я обязательно научусь ценить домашний уют и покой. Но не сейчас. Сейчас еще не настало время. Пока мне надо побуянить. Надо пользоваться моментом, пока я не связан обязательствами и заботами о детях, семье, карьере.

Глава 2

Сколько себя помнил, Тимур всегда был беспокойным мальчиком, защитником слабых и угнетённых. Когда же все это началось? Наверно, когда мать ругалась с отцом. Мать была учительницей в школе, отец был музыкантом, человеком творческой профессии, очень свободных взглядов на верность, на семейные обязательства, на домашние обязанности. Он мог неделями не появляться домой. Сперва мать с пониманием относилась к специфике профессии мужа. Она его боготворила, он был харизматичный, модный, бравый.

Но постепенно из брызг шампанского и ритмичных гитарных риффов вылезли семейные ссоры, измены, долги. Сначала было весело, молодёжно, перспективно. Потом немислимый драйв перерос в пьянки и ругань. Тимур видел и слышал, как часто ругаются родители:

– Ты мне изменяешь!?! – то ли спрашивала, то ли кричала мать.

– Я творческая личность, имею право, – откидывая назад черные вьющиеся волосы отвечал отец.

– За последний год ты ничего не написал. Ты прозябаешь на жалких тусовках, в гаражах и кабаках, – кричала мать, захлебываясь слезами.

– Тебе никогда меня не понять. Не может быть гладкого

восхождения на музыкальный олимп. У любого творческого человека бывают периоды спада и взлёта. Писать музыку – это тебе не чистить картошку. Я накапливаю материал и впечатления, которые когда-нибудь прорвутся в великую музыку, – отец широко развел руки, растопырив пальцы, усеянные татуировками и крупными металлическими перстнями.

– У тебя между прочим растёт сын, воспитанием которого ты не занимаешься. Мальчику требуется общение с отцом. Неужели ты не понимаешь?

– Я тебя не просил рожать. Это твое решение. Мне сейчас некогда нянчиться с детьми. Может быть, когда-нибудь он мне скажет спасибо, что я не проводил с ним времени. Я – плохой отец. И ты это знала. Я от тебя ничего не скрывал. Для тебя было откровением, что я тусовщик и музыкант? Наоборот, раньше тебе это нравилось. Правда?

– Правда. Мне это нравилось. Но я никогда не представляла, что можно не любить своего ребенка. Разве можно взять и забыть, что у тебя есть сын?

– Хорошо. Теперь ты все знаешь. А вот ты, между прочим, сильно изменилась за последние годы. Раньше ты была молодой и красивой оторвой. Готова была тусоваться ночи напролет. Мы могли с тобой сорваться в любой момент и уехать без предупреждения в Питер или на Черное море. И это было прекрасно! А сейчас ты превратилась в серую канцелярскую мышь. Сидишь дома. Никуда тебя не вытащишь, ничего тебе не интересно. У тебя простой маршрут: дом – работа – дет-

ский садик. Все! Мне такая жизнь невыносимо скучна!

– А знаешь почему у меня такой маршрут? Потому что ты вообще денег не зарабатываешь. А ребенку надо одежду покупать, еду надо покупать, за квартиру надо платить. Ты же нищий и бездарный! Тебе за твою великую музыку не платят ни гроша. Ты никому не нужен. Ты – бездарь!

– Не тебе судить о моем таланте. Ты с роду не могла пропеть чисто две ноты. Слава меня еще найдет! В моем окружении есть люди, которые меня смогут оценить по достоинству. Мир не без добрых людей.

– Ну, и иди к своим добрым людям. Здесь ты никому не нужен.

– Этой мой дом! И я отсюда никуда не уйду!

– Это только формально твой дом.

– Ты меня больше не любишь? – отец вдруг сел на табуретку.

– Это ты нас не любишь, – ответила мать, присаживаясь напротив него за стол.

– Почему с нами это произошло? – вдруг спросил отец, – ведь мы же любили друг друга больше жизни.

– Потому что жизнь не стоит на месте. Все изменяется. А ты не собираешься меняться. Ты так и остался в юношеском возрасте. У тебя сын растет. Пора остепениться, – по лицу у матери потекли слезы.

– Прости меня. Я постараюсь, – выдавил из себя отец.

Отец сгреб мать в объятия. Они уединись в спальне, скри-

пел диван, мама громко охала и ахала. Тимур плохо понимал, почему ему сейчас надо сидеть одному в кроватке, тихо играя в паровозик. Затем в семье наступало короткое затишье. С утра в садик сына отводил отец. Так как у него не было, как правило, серьезной работы, вечером Тимура забирал тоже отец. Через пару дней все заканчивалось. Отец снова пропадал, у него начинались концерты, репетиции, гастроли. Мать снова впрягалась в свой сольный график: дом-работа-садик. В эти дни она часто скучала по папе.

– Мам, почему ты плачешь? – Тимур подходил к матери, клал ей голову на коленки.

– Мне очень грустно, сынок, – отвечала мать, вытирая слезы.

– Тебя кто-нибудь обидел? – не унимался сын.

– Нет. Просто в жизни как-то все не так, как мне хотелось. Я хотела другой судьбы.

– Когда я вырасту, я тебе помогу. Все нужное куплю. Ты не плачь. Погоди немного. Я все сумею.

– Спасибо, тебе сынок. Я знаю и верю в тебя. Я подожду. Ты мой герой и мой спаситель.

Они шли, обнявшись в спальню. Мама читала сказку про трех поросят. Тимур засыпал. Ему снились сны. Где он защищал маму от Змея-Горыныча, от злого волка и хитрых разбойников.

Так они жили вдвоем пару недель. Нельзя сказать, что счастливо, но спокойно. Потом появлялся отец, и привыч-

ный жизненный ритм нарушался. Он был пьяный, грязный и вонючий. Лез к Тимуру обниматься и целоваться, кололся жесткой щетиной. Сын вырывался и убегал в детскую комнату. Мать отца обстирывала, чистила и отмывала. Иногда они ходили гулять в парк или в Макдональдс втроем. Мать радовалась временной гармонии, а Тимур чувствовал себя не в своей тарелке. Не воспринимал он этого волосатого мужика своим родным человеком. Наверное, так оно и было.

В один из таких приходов отца мать нашла у него в кармане пакетик с белым порошком:

– Что это, Саша? – спросила мать.

– Дай сюда, – отец вырвал пакетик из рук матери, – не обращай внимания.

– Это наркотики?

– Нет, ты что! Я не наркоман, – возражал слегка испуганный отец.

– Тогда что это?

– Не задавай глупых вопросов. Я не обязан отчитываться перед тобой.

– Нет, постой. Если это наркотики, то я прошу тебя сюда их не приносить. Здесь не наркопритон. У меня здесь маленький ребенок, и мне ничего такого не нужно!

– Ты не понимаешь! Так все нормальные музыканты живут. Это нужно для того, чтобы расширилось сознание. Чтобы услышать тонкие струны вселенной. Мне надо раствориться в воздушном эфире мироздания.

– Это ты ничего не понимаешь. Ты прожигаешь свою жизнь. Ты ничего из себя не представляешь. Если у тебя пусто внутри, никакие наркотики или любые стимуляторы не помогут. Ты полное ничтожество! – крикнула мать.

– И кто мне это говорит? Серость и тусклость – вот твое имя! Ты ничего не смогла в жизни добиться! И ничего не добьешься! Тебе бы радоваться, что живешь со мной в одно время. Что я делю с тобой свою постель, – отец громко говорил и широко жестикулировал руками.

– Небольшая честь делить с тобой постель. Там, наверное, побывало больше шлюх, чем жителей в Московской области. Раньше я думала, что ты талантливый и перспективный музыкант. А теперь я вижу, как сильно заблуждалась! Если ты связал жизнь с наркотиками, уходи. Ты нам не нужен, – мать указала рукой на дверь.

– Не пожалеешь? Будешь локти кусать, но будет поздно. Извинись немедленно, и тогда я, быть может, тебя прощу.

– Никогда! Ты – ничтожество, и нам не нужен такой муж и отец, – непреклонно ответила мать.

– Ты нам не нужен. Уходи, – Тимур выскочил из своей комнаты, подбежал к отцу, начал колотить маленькими кулачками по коленке, обтянутой кожаными штанами.

– Убери своего сучёнка, – отец легко взял и отшвырнул Тимура в угол комнаты.

Тимур пролетел метров пять и ударился головой о стенку. Из носа пошла кровь. Мать кинулась к сыну, прикрывая

от жестокого отца и вытирая Тимуру кровь платком.

– Уйди, прошу тебя, – кричала и плакала мать.

– Ну, как хотите, я думал, что у меня есть семья, а теперь вижу, что меня здесь не ждут. Небось завела какого-нибудь кобеля, потому и стала такая смелая. Но я не жадный, пускай пользуется.

– Какое-же ты ничтожество! Что я могла в тебе разглядеть? – мать гладила Тимура по голове.

– Еще раз тронешь мамку, я тебя убью, гадина! – прокричал Тимур.

– Весь в тебя, молокосос. Прощайте, – отец собрал вещи, взял чехол с гитарой, и громко хлопнул дверью.

В квартире наступила звенящая тишина. Мама тихо всхлипывала, Тимур молчал. Он так привык, что родители часто ссорятся, что не понял, что это была последняя ссора.

– Мам, ты не плачь. Все будет хорошо. Я с тобой, – Тимур обнял маму за плечи, потом пошел в ванную и сам умылся.

Мама еще какое-то время сидела на полу и тихо плакала. Отец больше не приходил. Музыкальной славы он так и не добился. Через общих знакомых, маме иногда сообщали, что видели отца сильно пьяным или под кайфом. Примерно через год пришло известие, что отец умер от передозировки. Мать звали на похороны, но она не пошла. Тимуру про смерть отца ничего не сказала. Зачем? Этот человек умер для нее гораздо раньше. В тот день, когда швырнул Тимура в стенку.

С Тимуром мама про отца не разговаривала, а он и не спрашивал. Тимур хорошо помнил, что отец – неприятный волосатый гитарист неизвестной никому рок-группы. Уже будучи взрослым у них зашел разговор про отца, и мать сообщила, что тот давно умер.

– Ты его любила? – спросил Тимур.

– Да. Он был хороший, добрый, справедливый. С ним было весело и прикольно. Мне казалось, что он действительно был подающим надежды и талантливым музыкантом. Но в его жизни что-то не сложилось. С творческими людьми такое бывает. Многие спиваются, некоторые уходят в наркотики.

– У тебя были еще мужчины после отца? – поинтересовался Тимур.

– В каком смысле?

– Любила ли ты еще кого-нибудь так сильно, что могла бы связать с ним жизнь?

– Сильных увлечений не было. Были пару раз свидания. Мне нравился один учитель из нашей школы. Мы с ним дружили, ходили вместе на собрания и обеды. Потом оказалось, что он женат. И меня сразу от него отвернуло. Я не хотела быть любовницей. Еще был один мужчина. Познакомился со мной на улице, красиво ухаживал, цветы дарил. Но как узнал, что у меня есть ребенок, куда-то пропал. Вообще-то думаю, что оно и к лучшему. Можно же было потратить много времени на человека, а потом, когда дошло бы время

до создания семьи и рождения детей, оказалось бы, что детей он не хочет, что для него самое главное в жизни – карьера. После того случая при знакомстве, я сразу сообщала, что я свободная, но с ребенком. Ухажеров, как правило, ветром сдувало.

– Ты жалеешь об этом?

– Конечно, жалею. Я хотела бы нормальную семью. Чтобы у тебя был хороший отец, пример для подражания. Чтобы он тебе передал мужские навыки и секреты. Чтобы научил постоять за себя, показал, как надо относиться к семье и к любимой женщине. Это очень важно. Я переживаю, что не смогла тебе привить настоящие мужские качества: решительность, целеустремленность, мужество, ответственность.

– Не переживай, у меня этого навалом, – успокаивал мать Тимур.

– Когда у тебя появиться девушка, будь к ней внимательней и добрее. Не думай только о себе.

– Хорошо, договорились.

Тимур черпал уроки мужества из фильмов и художественной литературы. Его детство пришлось на девяностые годы, поэтому он знал всё про героев американских боевиков Брюса Уиллиса, Шварценеггера и Сталлоне. Но всех затмил Данила Бодров из русского фильма «Брат». Когда Тимур подрос, мама ему подкладывала книги, и всячески стимулировала любовь к русской классической литературе. Вечерами он перечитал всего Булгакова, Толстого и Достоевского.

Русские герои получались более сложными и многогранными. Возможно они не спасали мир, но были более живыми и душевными. Они были одновременно ранимыми и смекалистыми, мудрыми и сильными духом. Таким хотел быть и сам Тимур. Нельзя сказать, что он отличался богатырским телосложением. Скорее наоборот, он был достаточно худеньким, но жилистым и выносливым. Тимур с детства много занимался спортом: футболом, легкой атлетикой и восточными единоборствами.

Если надо, то он мог отстаивать свое мнение и честь с кулаками. Хотя не любил силовой метод решения проблем, ведь всегда есть возможность договориться, объяснить, найти компромисс. Почти всегда...

В тот день он шел из школы домой со своим другом Витькой после футбольной тренировки. Было им тогда по четырнадцать лет. Не дойдя до дома примерно триста метров их остановили трое парней постарше, и попросили закурить.

– У нас нет. Мы не курим, – ответил Тимур.

Витек, надо сказать, совсем потерял дар речи и испугался. Тимур тоже понял к чему идет разговор, но сохранял спокойствие и трезвый рассудок до конца.

– Меня это не волнует, – сказал стоящий посередине широкомордый парень.

– Что нам делать, если у нас нет сигарет? – спросил Тимур.

– Это хороший вопрос. А почему у вас нет сигарет? – спросил главарь подростковой банды.

– Мы еще маленькие, наверно. Мы спортом занимаемся, а курить вредно. Нам мама не разрешает, – Тимур начал подыгрывать хулиганам.

– Молодец. Ты наверно, еще и умный, – оценил поведение Тимура широкомордый, – вы маменькины сынки?

– Наверно, да, – ответил Тимур.

– А где же ваша мама? Как она отпустила вас одних гулять по улице? Не страшно ей? Здесь же ходят бандиты, – трое хулиганов заржали, как лошади.

– Она, наверно, думает, что мы уже достаточно взрослые и сможем сами дойти из школы до дома, – ответил Тимур.

Он смотрел по сторонам, в надежде, что по улице пойдет знакомый или хотя бы взрослый, к которому можно обратиться за помощью. Как назло, кругом было безлюдно и темно.

– Зря она так думает. Правда же? Вам страшно, ребятки? – сияя белозубой улыбкой, спросил главарь.

– Страшно, – сознался Тимур.

– Это правильно. Тогда, я думаю, нам не придется долго убеждать и просить, отдать деньги, а также часы и мобильники. Выворачивайте карманы, придурки. Посмотрим, что у вас есть с собой.

Хулиганы заржали, как кони и подошли вплотную к Тимуру и Витьке.

– Грабить детей – не хорошо, – стараясь не терять самообладания, возразил Тимур.

– Я знаю, мелкий чмошник. Я – плохой и аморальный. Знаешь такие слова?

– Знаю.

– Тогда выворачивай карманы, а то будет хуже. Мы и так с вами слишком долго разговариваем. Нам надо торопиться.

– Хорошо, – ответил Тимур.

Он поглядел на Витьку, тот трясся от страха. Тимур подмигнул другу. На вопросительно-растерянный взгляд Витьки, Тимур крикнул:

– Беги Витька! – одновременно он бросил свой рюкзак в лицо широкомордому, и толкнул стоящего справа парня головой в живот.

Такой наглой атаки хулиганы не ожидали. Внезапное нападение дало небольшое преимущество Тимуру, он сбил одного хулигана с ног. Витька кинулся что есть сил в сторону дома. Бегал он хорошо. За ним кинулся парень, стоявший слева от Тимура. Широкомордый откинул рюкзак в сторону и поспешил на помощь своему растерявшемуся товарищу.

– Ах, ты сука! – крикнул главарь и оттащил Тимура.

Затем хулиган ударил его в лицо, Тимур пытался защититься. Но нападавших было двое, они были сильнее. Тимур упал, из носа пошла кровь. Он закрыл лицо руками, перевернулся на живот. Тимур ощущал удары по ногам, в ребра. Били Тимура не долго. Широкомордый вывернул у лежащего Тимура карманы, напарник вытряс содержимое рюкзака на землю.

Бандиты забрали мобильный телефон, пятьдесят рублей и вязаную шапку. Вскоро, вернулся запыхавшийсяследователь Витьки.

– Ушел, собака. Не смог я его догнать, наверное, и правда спортсмен, – сообщил хулиган.

– Бросил тебя твой приятель. Не связывайся с такими, – сообщил широкомордый уходя.

– Зачем тебе шапка? – спросил хулиган главаря.

– С паршивой овцы, хоть шерсти клок. Пускай знает, как себя вежливо вести со старшими. Пошли отсюда скорей, –скомандовал главный.

Тимур слышал удаляющие шаги, потом все затихло. Он перевернулся на спину. Над ним раскинулось чистое вечернее небо. Ветер теребил оставшиеся без шапки волосы. Было обидно и больно. Зачем? Почему так грубо? Что он скажет маме? Теперь надо покупать новый телефон? Мама зарабатывала не так много, как хотелось бы. Тимур это знал. Ему не было жалко телефона. Тимур переживал, что подвел маму и принес убытки в семью.

Через пять минут вернулся Витька, он привел с собой старшего брата. Хулиганов рядом уже не было. Они подняли Тимура. Спросили про самочувствие, и проводили подбитого бойца домой. Там его еще раз осмотрели. На лице и на теле было много синяков и царапин. Друзья оказали Тимуру первую медицинскую помощь, смазали все раны йодом.

– Может в милицию сообщить? – спросил Тимур.

– Может и надо, – ответил брат Витьки, – но думаю, что бессмысленно. Тебя сейчас затаскают по отделениям. А хулиганов все равно не поймают. Деньги и телефон не вернут.

– Хулиганы останутся безнаказанными? – спросил Витька.

– Скорее всего, так и будет. Хулиганы, вероятно, не из нашего района. Погастролировали и уехали к себе.

– Но это не справедливо, – возмутился Тимур.

– Здесь нет справедливости, – сообщил брат Витьки, – если бы ущерб был большой, или человеческие жертвы, они, может быть, и завели дело, провели расследование. А так: ущерб – мизерный, жертв нет. Искать и напрягаться не будут. Можно, конечно, денег полиции заплатить, тогда они переоруют всю Москву. Но ты же не будешь платить деньги?

– Не буду.

– Тогда, думаю, и рыпаться не стоит, – подытожил брат Витьки.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил братьев Тимур.

Друзья ушли. Тимур остался дома один, лежал и вспоминал, как все было. Тимур размышлял, надо ли было отдать деньги и телефон? Тогда, может быть, шапка осталась на голове. А так еще и побили. Теперь ходи пару недель с фингалами в школу. Одноклассники будут показывать пальцами и смеяться.

Вечером с работы пришла мама, ахнула, увидев сына с разбитым лицом.

– Что случилось сынок? – спросила мать и опустила без сил на диван.

Тимур, волнуясь, пересказал что с ним произошло.

– Надо срочно звонить в милицию. Хулиганы должны быть наказаны, – решила мать.

Она набрала номер милиции, рассказала о происшествии. Ей посоветовали прийти в милицейский участок поблизости и написать заявление. Так и сделали. Лейтенант, принимавший заявление, сказал, что вряд ли можно рассчитывать на скорейшую поимку негодяев:

– Надо было сразу бежать к нам и сообщать. Тогда, может быть, по горячим следам и нашли негодяев. А теперь, где они? Где их искать?

– Но это же дети. Они испугались и не сообразили, – объясняла сложившуюся ситуацию мать.

– Я понимаю. Что сделано, то сделано. Будем искать. Распишитесь вот здесь и вот здесь, – лейтенант показал пальцем, где надо было расписаться.

– Спасибо, большое, – поблагодарила мать сотрудника милиции.

– Еще обязательно сходите в травмпункт, надо зафиксировать побои и царапины. Это пригодится, если мы найдем преступников и привлечем к ответственности.

Делать нечего. Тимур с мамой сходили в травмпункт, отсидели там очередь на полтора часа. По странному стечению обстоятельств, в районе в этот день был повышенный уро-

вень травматичности: многие ломали руки, выбивали суставы, ударялись головой о турникет при проходе в метро. Почти в десять часов вечера они вернулись домой, уставшие и довольные, что все сделали правильно.

Через две недели синяки полностью сошли, царапины затянулись. Больше этих хулиганов Тимур не встречал, видимо, и в правду, были не местные. В милицию их тоже не вызывали, наверно, никого нашли. Правосудие и наказание не состоялись. Но мать серьезно поговорила с Тимуром, чтобы он никогда так больше не делал:

– Тимур, ты поступил неправильно, – строго наказала мать.

– Почему? Я так не считаю, – защищался сын.

– А если бы тебе проломили голову? Если бы отбили почки или печень? Если бы сломали ногу, ребра или руки?

– А что же ты предлагаешь? Я защищал себя и своего друга всеми доступными способами, – не сдавался Тимур.

– Это глупо ради телефона за две тысячи рублей рисковать жизнью и здоровьем. Обещай мне, что в следующий раз, если такое повторится, ты просто отдашь деньги, телефон и драгоценности. Пускай забирают, это не важно. Вещи – дело наживное, можно купить и заработать. Здоровье ни за какие деньги не купишь. Договорились? – спросила мать.

– Хорошо, – пошел на попятную Тимур.

Про себя отметил, что понимает мать: она волнуется, переживает, но нельзя у блюдкам уступать, нельзя их бояться.

Надо уметь дать сдачи, надо уметь постоять за себя, за друзей и за родных. На следующий день они с Витькой пошли и записались в секцию карате, которую посещали вплоть до выпускного вечера.

Тимур не боялся опасностей. Местные хулиганы в школе и во дворе встречались, но не часто. Постепенно все, кому надо было знать, узнали, что Тимур просто так не сдаётся и будет всерьёз драться. Поэтому никто с ним не связывался – ни старшие ребята, ни ровесники. Несмотря на то, что Тимур учился неплохо, за ним в школе прочно закрепилась слава сорвиголовы и лихого парня.

Глава 3

На утро Тимура вызвал новый следователь. Представился, и сообщил ему суть обвинений.

– Добрый день, Тимур Александрович. Присаживайтесь. Меня зовут Петров Дмитрий Александрович. Я ваш следователь.

– Очень приятно, – ответил Тимур.

– Картина у нас такая. Вам светит до пяти лет лишения свободы за неоднократное нарушение установленного порядка, проведение собраний, митингов, демонстраций и шествий в соответствии со статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, – зачитал следователь.

– Понятно. А можно я буду дальше разговаривать с вами в присутствии адвоката, раз уж дело принимает серьезный оборот? – спросил Тимур.

– Конечно, можно, – ответил Дмитрий Александрович, – мне вас надо уведомить о причине вашего ареста. Могу еще сообщить, что доказательной базы по вашему делу хоть отбавляй. Здесь ваши выступления на многочисленных митингах за последние два года. Есть записи ваших выступлений в интернете, с призывами выходить и протестовать. Дело очень простое, думаю, через пару недель можно будет передавать в суд.

– Хорошо, спасибо за информацию.

Вырисовывалась неприятная картина. Обычно организаторам светил штраф и арест на срок до 30 суток. Но силовики не стоят на месте и развиваются. Стало грустно. Уголовный срок и годы в тюрьме не радовали. Хотя, с другой стороны, для настоящего революционера побывать в тюрьме или ссылке, нормальное дело. Вспомнились фигуры великих борцов за права трудящегося народа – Сталина, Ленина и Троцкого. Они прошли через тюрьмы и ссылки. Тимур лежал в камере и думал про свое будущее.

С одной стороны, пойти в тюрьму – круто. Можно стать символом протестного движения. Противоречия внутри общества назревают, рано или поздно власть сменится. А Тимур тут как тут – готовый лидер и оппозиционер, непримиримый борец за все самое светлое против всего самого темного. Рассуждать так было хорошо, но в тюрьме-то сидеть придется всерьез. Там, наверно холодно и голодно. Там урки и зеки, чефир и наколки, бугры и шестерки.

Про пребывание в тюрьме он как-то думал, взвешивая все «за» и «против». Из «плюсов» Тимур выделял возможность читать книги, писать свои статьи. А дадут ему писать статьи? Дадут ли ему ручку и бумагу? Или будет он как Ленин молчком на обратной стороне газетной бумаги скрывать послания на волю?

Вообще, за что его в тюрьму? В своих речах и видеообращениях, Тимур старательно избегал призывов к свержению власти. Он всегда призывал людей выходить на улицы

и протестовать против несправедливого поведения чиновников, против несправедливых выборов, против коррупции. Может, такие доводы подойдут для суда? Надо будет обсудить с адвокатом.

Тем временем, за пределами следственного изолятора разгорались настоящие страсти по невинно арестованным демонстрантам. Либеральные интернет-каналы и блогеры призывали писать петиции в защиту Тимура и его товарищей. Народ волновался, но внутри стен ничего не ощущалось.

После обеда на свидание пришла мать.

– Здравствуй, сынок, – сказала она через решетку.

– Привет, мама, – ответил Тимур, – ты чего такая грустная?

– Мне кажется место, где мы с тобой встречаемся, не располагает к радости и веселью.

– Наверно, ты права. Мама, мне нужен адвокат. На меня хотят повесить уголовное дело и срок до пяти лет. Надо квалифицированно защищаться.

– Я как раз хотела с тобой об этом поговорить. Ко мне обратились пять человек, представились как адвокаты, дали визитки. Самое интересное, что они готовы тебя защищать бесплатно.

– А вот это уже неплохо. Неожиданно, правда. Зачем им это? – спросил Тимур.

– Я тоже удивилась и спросила почему они готовы рабо-

тать бесплатно. Все как один ответили, что это вопрос чести. Сама-то я думаю, что это отличная реклама. Ведь дело получается громкое и резонансное. Про тебя в интернете только и говорят. Даже в новостях по первому каналу упоминали.

– Это хорошо. Может оно и к лучшему.

– Что к лучшему? Ты совсем сбрендил со своей политикой. Обо мне ты подумал? Что будет делать без тебя Рита? Она вообще тебя дождется? – запричитала мать.

– Мам, погоди, не начинай. Политика – это дело моей жизни. Не знаю, что я смогу добиться. Но знаю, что можно добиться высоких целей, если не бояться препятствий. О тебе я много думаю. Если я доставил неприятности, ты меня прости. Но ты же сама меня воспитывала быть честным и справедливым. Правда же? Если Рита меня не дождётся, что я смогу поделаться? Пожелаем ей удачи. Она в принципе не обязана меня ждать. Мне она пока не жена.

– Все у тебя просто.

– Мам, все не просто. Но давай не будем усложнять. Сейчас надо решать главную проблему. Давай определимся с адвокатом. Кто тебе из адвокатов понравился с первого взгляда? Кому ты можешь доверить судьбу сына? Понимаю, что трудно сказать, но все же.

– Мне из всех претендентов понравился вот этот, – мать показала визитную карточку синего цвета, – Шумейко Борис Евгеньевич. Он представительный, высокий, у него хороший русский язык.

– Давай начнем с него. Позвони, договорись. Пускай приходит ко мне. Мне надо с ним обсудить детали дела и стратегию защиты.

– Хорошо. Теперь расскажи, как ты устроился? Тебя не обижают? Много заключенных в камере?

– Нормально. Все как обычно, Камера на десять коек. Никто меня не обижает. Все ребята политические, как и я. Есть, о чем поговорить, но мы не разговариваем между собой, боимся провокаторов.

– Ну, и слава богу. Я тебе предала теплые вещи. Обещают проверить и передать.

– Спасибо, мама, – ответил Тимур.

– Я зарегистрировала свой телефонный номер в полиции. Мне сказали, что ты сможешь позвонить, если что случится.

– Ты – самая лучшая мама на свете, – улыбнулся Тимур.

– Если самая лучшая мама, то что я делаю здесь?

– Ты здесь ни при чем. Во всем виновата наша власть и нечестные чиновники. Кто-то должен отстаивать естественные права граждан. Я же не призываю народ к коммунистической революции или к терроризму.

– Хорошо, хорошо. Ты не расходишь, а то нас подслушают, и добавят тебе срок, – остановила его мать.

– Это я перед тобой расхрабрился и развеселился.

– Хочу тебе сказать, что Рита хотела прийти к тебе на свидание, но ее не пустили. Сказали, что по документам она те-

бе никто, не родственник и не жена. Не положено.

– Да, я где-то слышал такое. Хотя в прошлый раз пускали.

– Наверное, теперь у тебя более строгая статья. Она просила передать, что любит тебя и будет ждать сколько потребуется. Она помогла мне собрать теплые вещи, носки и трусы.

– Спасибо. Передай ей, что я ее люблю. И жду долгожданной встречи. Ну, и еще что-нибудь скажи от меня хорошего.

– Ладно, Ромео, передам. Скажу чего-нибудь. Как ты вообще ухаживаешь за девушками? Двух слов не можешь связать про любовь и чувства. Когда про политику говоришь, вроде складно излагаешь, логичным и правильным языком. А когда рассказываешь про личные отношения, начинаешь мяться — тыр-пыр, и все.

– Не знаю, наверно, я при тебе стесняюсь.

– Наверное.

– Свидание окончено, – к Тимурю подошел охранник.

– До свидания, мама, – сказал Тимур, – приходи почаще, как сможешь. Я буду скучать.

– Хорошо, сынок. Но теперь недели через две. Много свиданий не положено, – ответила мать, – не унывай, до свидания.

Тимур пошел в камеру воспрянув духом. Мать всегда давала ему положительные эмоции, с пониманием относилась к его рискованным идеям и устремлениям. Арест Тимура всколыхнул общественность гораздо сильнее, чем могло дать

выступление на митинге. Теперь бы это разжечь и расширить. Но как? Как это сделать из тюрьмы? У него нет никаких средств связи, нет интернета, нет ручки, нет бумаги. Надо поговорить с адвокатом. Хорошо бы он оказался толковым парнем, чтобы не только защищал, но и обеспечил связь с внешним миром. Тимуру вновь захотелось писать статьи и снимать сюжеты, выступать, звать людей к свершениям. Может у него еще все получится?

На следующий день Тимура привели в отдельную комнату для общения с адвокатом. Пока никого не было, он сел за стол. Пустой стол, ни ручки, ни бумаги, ни соринки, ни пылинки. Тусклая лампочка сверху, серые стены. И тишина.

Минут через десять дверь открылась, в комнату вошел высокий представительный мужчина, лет тридцати, с черными кудрявыми волосами до плеч. О, мама, узнаю твой вкус. Это так ты выбираешь адвоката для своего сына?

– Тимур Александрович, добрый день. Меня зовут Шумейко Борис Евгеньевич. Я хотел бы вам предложить услуги адвоката, – мужчина протянул к нему широкую твердую ладонь для рукопожатия.

– Добрый день, очень приятно.

Тимуру рукопожатие понравилось, ладонь была сухая, приятная, пожатие было в меру сильным, не доминирующим и не заискивающим.

– В самом начале нашей встречи, я хотел бы сказать, что являюсь вашим ярым и давним поклонником. Последний

год я с увлечением слежу за вашими выступлениями в интернете. Пару раз был на митингах, где вы выступали. У вас без сомнения имеется харизма политического лидера. Думаю, что вас ждет великое будущее, – Борис Евгеньевич расплылся в широкой искренней улыбке.

– Спасибо.

– Теперь к делу. Не будем терять времени.

– Хорошо, – согласился Тимур.

– Ваша матушка позвонила и предложила сотрудничество. Я готов защищать вас на судебном процессе абсолютно бесплатно. Должен предупредить, что я не известный и раскрученный адвокат. Скажу честно, что мне это дело очень выгодно, как реклама. Для меня это возможность засветиться и заявить о себе. Думаю, что вам важно это знать.

– Хорошо, – Тимур было интересно смотреть, как адвокат себя предлагал и продавал.

– Но несмотря на все вышесказанное, могу заверить, что обладаю серьезными навыками и знаниями в профессии адвоката. Об этом могут свидетельствовать мои дипломы, сертификаты и грамоты, – Борис Евгеньевич расстегнул портфель и выложил перед Тимуром папку с портфолио.

Тимур взял в руки папку, пролистал. Там были дипломы каких-то европейских курсов, сертификаты отечественных гильдий адвокатов и прочие заслуги адвоката Шумейко.

– Хорошо, Борис Евгеньевич, давайте мы попробуем поработать. Единственно, хочу предупредить, если мне что-то

не понравиться, я откажусь от ваших услуг и перейду на работу с другим адвокатом. Хорошо? Без обид, – Тимур захолопнул папку и положил ее на стол.

– Разумно, я не против. Надеюсь, ваши опасения будут излишни, и мы сработаемся.

– Дай бог.

Борис Евгеньевич аккуратно переложил папку в портфель. Взамен, из портфеля достал свой ноутбук, ручку, тетрадку.

– Сегодня я ознакомился с вашим делом. Вся доказательная база строится на том, что вы неоднократно призывали людей выходить на улицу для участия в несанкционированных митингах. Сами в них участвовали. До сегодняшнего дня вы были пять раз задержаны, три раза оштрафованы. У вас были административные аресты общей длительностью шестьдесят пять суток. Исходя из всего вышеперечисленного, обвинение считает вас неисправимым рецидивистом, и будет требовать наказания в виде лишения свободы на три года с отбыванием срока в колонии общего режима.

Адвокат оторвался от экрана ноутбука. Взгляды двух мужчин встретились. Возникла секундная пауза.

– С обвинительной частью вам все ясно? – спросил Борис Евгеньевич.

– Да, – кивнул Тимур.

– Возражения, протесты есть?

– Нет. Все верно. Так и было. Ни добавить, ни отнять.

– Есть у вас какие-нибудь смягчающие обстоятельства, которые можно предъявить в суде, чтобы облегчить приговор?

– Что вы имеете ввиду?

– Есть у вас несовершеннолетние дети? Есть ли прочие иждивенцы на вашем обеспечении – бабушки, дедушки или инвалиды? Есть ли у вас какие-нибудь хронические или прогрессирующие заболевания, из-за которых нахождение в местах заключения будет смертельно опасным для вашего здоровья?

– Ничего подобного нет. Детей у меня пока нет. Бабушки и дедушки на моем иждивении не состоят, мама здорова. Сам пока тоже здоров.

– Жаль. Вернее, конечно, хорошо. Но это помогло бы уменьшить срок или перевести его в условный с отбыванием по месту регистрации, – сообщил адвокат, – можно, конечно, попробовать устроить вам медицинскую экспертизу, найти какое-нибудь заболевание. Правда, это стоит денег, и есть риск, что обвинение назначит повторную экспертизу, и опровергнет заключение нашей медицинской комиссии. Тогда не миновать проблем.

– Не надо этого делать. Во-первых, у меня нет денег на липовые справки. Во-вторых, действительно велик риск проколотся. У меня вопрос: нас здесь не подслушивают? Мы с вами рассуждаем о тайных делах. Это боком не выйдет? –

спросил Тимур.

– Эта комната для общения с адвокатом, она должна быть звукоизолированной. Все сказанное в этой комнате является адвокатской тайной. В разглашении этой информации не заинтересован никто. Все сказанное в этой комнате не может быть представлено в суде как показания против обвиняемого. Если вы сомневаетесь, что я могу организовать утечку, то это поставит крест на моей карьере адвоката.

– Хорошо. В общем, подводим промежуточный итог: со здоровьем мудрить не будем. Идем дальше.

– Тогда мы можем обратить внимание суда на то, что вы очень молодой человек, и что не стоит портить жизнь и карьеру уголовным сроком. Вы не думали покаяться, извиниться, признать свою неправоту?

– А что это даст?

– Точно сказать трудно, но могут отменить приговор и освободить в зале суда. Бывали такие случаи в юридической практике. Если мы сумеем убедить суд, что всё совершенное вы признаете ошибкой, что искренне заблуждались и раскаиваетесь, что впредь так поступать не будете, – адвокат откинулся на спинку стула, и ждал ответа.

Тимур не на шутку задумался. А может и правда отказаться от всего, что намолотил за последние два-три года? К чему политика приведет его в дальнейшем? Лучше стать обычным чиновником в префектуре и муниципалитете, научиться потихоньку воровать государственные деньги...

– Нет, этот вариант мне не подходит, – ответил Тимур, смотря прямо в глаза адвокату, – это означает, что я сдался и капитулировал. От меня отвернутся друзья и товарищи. Этот шаг перечеркивает мои мысли и убеждения. А мне так не хочется, у меня большие планы на политическую карьеру.

Адвокат расцвел, Тимур его не разочаровал. Он собирался сопротивляться и продолжать борьбу против системы. И это было здорово.

– Отлично! Я рад, что в вас не разочаровался. Тогда есть следующее предложение: я могу организовать в интернете массовую компанию по освещению нашего судебного процесса. Мы снимем ряд фильмов о вас, возьмём интервью у друзей, учителей, родителей, политических оппонентов. Будем вас показывать на Ю-тюбе и других сайтах. Вы станете новым лидером оппозиции. Затмите своей персоной таких мастодонтов, как Запального или Французова.

– Это, конечно, хорошо. А что со сроком?

– Нельзя делать все одновременно: лепить из вас фигуру крутого революционера и отменить срок. Либо то, либо это. Выбирать, конечно, вам. Если мы сделаем из вас главного оппозиционера России, то вы получите максимальное наказание, какое попросит обвинение – три года колонии.

– Жаль. Когда мне надо дать ответ? – спросил Тимур.

– Вы – здесь главный. Я лишь помогаю добиваться ваших целей. Решать, в конечном итоге, вам. Чем раньше решите, тем нам будет легче реализоваться. Единственно, что я про-

шу быть последовательным. Если мы примем какую-нибудь линию поведения, то лучше ей следовать до конца. Чтобы ни произошло.

– Мне нужна бумага и ручка, – попросил Тимур.

– Вот, пожалуйста, – Борис Евгеньевич, достал из портфеля и передал Тимуру.

Тимур взял лист бумаги, расчертил его на две половины. Сверху одной половины, написал – «Тюрьма», на второй – «Свобода». Далее каждую половинку разделил еще на две части и написал вверху каждой – «Плюсы» и «Минусы». Минут двадцать Тимур сидел и раскидывал свои ценности в разные графы – мама, Рита, друзья, карьера, честность, свобода передвижения, будущее страны, страхи, открытость информации, возможность развиваться и прочее.

– Борис, вас не смущает, что я долго думаю? – спросил Тимур.

– Нет. Осуждение клиента – непрофессионально. Мне как личности может что-то нравиться, может что-то не нравиться. В конечном итоге это не имеет значения. Я здесь для того, чтобы защищать и представлять интересы клиента. Я буду в равной степени усердно трудиться, чтобы вы не решили.

– Мне нравится ваш ответ.

– Спасибо.

– Итак, мое решение такое: давайте делать из меня лидера оппозиции, непреклонного борца за свободу и гласность, за мир во всем мире, – почти торжественно произнес Тимур.

– Отлично. Так и сделаем, – согласился Борис Евгеньевич.

– Договорились, – Тимур хлопнул и потер ладошки.

– Тогда, на сегодня мы с вами закончили. Идите в камеру. Отдыхайте, а мне пора действовать. На сегодня у меня вырисовывается много дел.

– До свидания. Может, перейдем на «ты»? Думаю, что так будет удобнее общаться. Без пафоса и официоза, – предложил Тимур.

– Давай, – согласился Борис.

Они пожали друг другу руки. Тимур пришел в камеру. Сокамерники, спросили, как дела, Тимур ответил, что все нормально. Тимуру хотелось уединиться, ему надо было многое обдумать, оценить принятое решение. Все ли он правильно сделал? Может, еще не поздно развернуться? Может покаяться? Он корил себя в малодушии, и жалел себя за то, что придется пропадать на рудниках долгие три года. Справится ли он?

Глава 4

Тимур лежал и вспоминал, что в жизни было хорошего и интересного? Что он видел, чего добился к неполным двадцати семи годам? Человечество помнило немало людей, которые в подобном возрасте достигли невероятных высот и закончили путь в зените славы. Курт Кобейн, Дженис Джоплин, Джимми Хендрикс, Джим Моррисон – члены клуба «27», которые умерли в возрасте двадцати семи лет. Поэту Михаилу Лермонтову было 26 лет. То есть были люди, которые несмотря на молодой возраст успели наследить на Земле, оставили яркий, но все же короткий след в истории человечества. Правда, по большей части – это люди искусства, поэты или музыканты. Среди молодых и рано ушедших гениев, совсем не было ученых и политиков. Вероятно, для такого рода занятий, надо больше времени. Надо дольше работать, пробиваясь к вершинам и признанию.

Отец Тимура, будучи музыкантом, вероятно, мог бы прославиться в молодом возрасте, если бы сложились благоприятные обстоятельства. Эти молодые западные музыканты, были баловнями судьбы. Они родились в том месте и в то время, когда была востребована молодая протестная энергия. Когда расцвело рок-движение: музыка для молодых, исполнять которую могли только молодые люди. Сейчас прошло время, и молодые рок-музыканты уже не умирают. Мало

того, теперь нет мегазвезд. Все больше звездочки, на недельку. Может кто-нибудь из них и умирает, но никто об этом не знает, потому что не помнит. Ушли и ушли.

Тимур умирать в молодом возрасте не хотел. Музыкаой не увлекался. Даже наоборот. Как-то мать хотела отправить его в музыкальную школу, обосновав, что ребенку надо гармонично развиваться. На что Тимур категорично и не по годам строго ответил:

– Никогда. Ты слышишь? Никогда я не буду заниматься музыкой.

– Почему, сынок?

– Я не хочу быть похожим на отца. Я не хочу бессмысленно тренькать на гитаре. Я не хочу окончить жизнь в пьяном угаре.

– Не обязательно быть похожим на отца. Есть много хороших музыкантов, которые ведут правильный образ жизни. Они не алкоголики, не наркоманы. К тому же, не обязательно быть профессиональным музыкантом. Можно просто любить и ценить красивую музыку. Совсем неплохо, если ты можешь взять инструмент, и спеть песню для близких и родных. Или для своей любимой девушки. Знаешь, как девушки относятся к талантливым молодым парням, которые умеют классно петь или играть на музыкальных инструментах?

– Мам, знаю. Я думаю, что ты и попалась на такую удочку.

– Возможно, сынок. Но это не значит, что музыка – это плохо. Музыка – это красиво, душевно, хорошо. Она будит

в душе светлые мысли, дарит прекрасные моменты и незабываемые впечатления. Подумай еще немного. Не отказывайся, – умоляюще попросила мать.

– Я уже все решил. Я думал об этом. У нас в классе многие ребята ходят в музыкальную школу. Я пойду другим путем. Красивую музыку можно просто слушать. Ведь в этом ее главное предназначение. А чтобы слушать не обязательно быть музыкантом.

– Очень жаль, сынок, что ты из-за моего печального опыта лишаешься огромного пласта человеческой культуры. Умение играть на музыкальных инструментах еще никому не мешало.

Правильно ли он тогда поступил? Чего старое ворошить? Что сделано, того не воротишь. На студенческих посиделках он видел, как смотрели девушки на парней с гитарой в руках. Видел, как певцы и музыканты располагали к себе жаждущих отношений девиц. Но Тимур не привык отчаиваться, и в таких случаях брал инициативу на себя. Вставал и произносил трепетный монолог, искрометную речь, умело вставляя четверостишие какого-нибудь поэта:

Тюрьма, как некий храм, я помню, в детства годы

Пленила юный ум суровой красотой...

Увы! Не царь-орёл, не ворон, сын свободы,

К окошку моему теперь летят порой,

Но стая голубей, смиренных голодных,

Воркуя жалобно, своей подачи ждёт... (Есенин. С)

У Тимура получалось перехватить внимание аудитории, зажечь в глазах людей уважение и переключить собравшихся на другие развлечения. У него получалось быть эмоциональным, интересным и заразительным. От недостатка женского внимания из-за своей не музыкальности Тимур не страдал. Он посматривал на патлатых гитаристов немного с высокока, как на бездельников столько сил потративших на ненужное занятие.

Условно освободившееся время от непосещения музыкальной школы Тимур тратил на спортивные секции, на чтение и запоминание стихов. Кроме того, он увлекался философией и риторикой. Умел убеждать и побеждать в интеллектуальных спорах. За эту вьедливость и дотошность его любили и не любили многие преподаватели. С ним было не легко, он лез в разные дебри, задавал много вопросов, вступал в дискуссии. Но в силу подобных качеств с ним было интересно и познавательно. Уроки превращались в жаркие баталии, споры в интеллектуальные викторины. Как у слепых, которые не могут видеть, хорошо развиваются другие средства коммуникации – слух и тактильные ощущения. Так и Тимур сумел развить другие качества, и нисколько от этого не проиграл. А, может быть, это поможет ему в политических спорах и дискуссиях, предоставив дополнительное преимущество.

Тимур окинул взглядом камеру. Унылое зрелище, надо сказать. Хотелось ли ему просидеть в подобных местах еще

три года? Почему он все время возвращается к этому вопросу?

Надоело. Сколько можно? Все решено. Иду на принцип, буду сидеть сколько дадут. Буду развивать свой общественный авторитет.

А вдруг его решат убрать? Ведь не нужны режиму сильные противники, ведь лихо расправились почти со всеми оппозиционерами Ельцинских времен. Как только Тимур станет большой величиной, сколько-нибудь опасной и влиятельной, то у него начнутся реальные проблемы. Ты об этом подумал? Стоит ли тебе расти в серьезную политическую фигуру?

Выбор, и правда, был трудный. На кону стояла жизнь и принципы. Такой выбор судьба перед ним ставила не часто. Но бывали моменты...

В то лето он поехал с мамой на выходные в бабушке Жене в деревню. Та жила в маленькой деревне Петрово, недалеко от станции Тучково. Ранним утром они с мамой сели на электричку с Белорусского вокзала и поехали в неизведанные ему тогда места. Было в то лето Тимуру десять лет. Мама долго не общалась со своей мамой, а теперь бабушкой. Как выяснилось позже, все произошло из-за отца. Бабушке выбор дочери не понравился, своего благословения она на брак не дала. И почти на десять лет прервалось общение между мамой и бабушкой.

Все десять лет Тимур прожил, не выезжая из Москвы, если не считать нескольких поездок к знакомым на дачу.

Но это было не серьёзно, на день-два. Теперь же ему предстояло провести в деревне у бабушки почти все лето – два с половиной месяца. Поездка волновала и манила, Тимур долго к ней готовился, собрал рюкзак, любимые книги для чтения, тетрадки и карандаши. Деревня бабушки ему представлялась дремучей и старинной с покосившимися деревянными постройками, с колодцами и конными повозками, с коровьими лепешками под ногами и с босоногими деревенскими девчонками.

Какое же его ждало разочарование, когда он увидел большой бабушкин дом из белого силикатного кирпича, с водопроводом и туалетом внутри дома. Во дворе был, как нестранно, и колодец, а вода в нем была холодная и вкусная. Ни коров, ни гусей, ни прочей живности, кроме кошки, бабушка не держала. Но у нее был большой огород, где Тимур увидел большие, но пока зеленые, ягоды клубники. Рот наполнился слюной, ему пришлось сплюнуть себе под ноги.

– Чего ж ты харкаешь прямо на дорогу? – громко спросила бабушка Женя, выглядывая из-за угла дома.

– Здравствуй, мама, – радостно воскликнула мама и кинулась бабушке в объятия.

– Здравствуй, здравствуй. Коль не шутишь. Погоди ты, – бабушка избавилась от объятий дочери, немного смутив ее, – кто это к нам приехал?

Бабушка подошла к Тимуру, погладила его по голове, потрепала за плечи.

– Здравствуй, внучек. Хорошенький какой! Боже ты мой! – бабушка Женья запричитала, заохала, – чего ж ты молчишь? Аль немой?

– Я не молчу, – ответил Тимур, – я просто только приехал. Что тут говорить?

– Ну и правильно, что тут говорить. Мужчина должен делать, а не языком молоть. Правда же, Тимурчик?

– Правда, но можно меня не называть Тимурчиком. Бабушка Женья, называй меня пожалуйста просто Тимуром. Хорошо? – попросил новоприбывший внук.

– Договорились. Я поняла, ты у нас настоящий мужчина. Единственный в доме, как никак. Нам надо друг с другом ладить. Нам теперь придется много времени проводить вместе.

– Это почему же?

– Твоя Мама сказала, что ты приехал ко мне на все лето, – ответила бабушка, – не боишься со мной остаться?

– Пока не знаю. Я подумаю, – буркнул Тимур себе под нос.

– Чего ж это мы стоим во дворе? Проходите гости дорогие в дом. Там уже стол накрыт для дорогих родственников. Буду вас угощать домашней едой. В Москве такого не бывает, – бабушка легонько подтолкнула Тимура вперед себя.

С улицы дверь вела сперва на веранду, потом в дом. Ступив на веранду, Тимур ощутил незнакомые, но приятные запахи сушеных трав, еловых шишек и грибов. Тимур как будто вернулся домой после долгого изнурительного путешествия.

– Бабушка, а чем здесь пахнет? – спросил Тимур, – у нас таких запахов в городе нет.

– Не знаю. Я не принимаю. Для меня эти запахи привычные. Я их не замечаю. Наверно, если приеду к вам в город, тоже буду к вашим запахам привыкать, – ответила бабушка Женя, – неприятно что ли?

– Наоборот. Приятно. Непривычные, правда, и необычные запахи.

– Ну, и хорошо. Проходи в дом.

Тимур шагнул в дом через высокий порог, чего в городских квартирах он тоже не встречал. За порогом запахи сменили окраску. Теперь пахло вкусной едой – пирожками, сахарной пудрой, жареной картошкой и котлетами.

– Вкусно, – Тимур закрыл глаза.

– Так ты ж еще не пробовал. Откуда знаешь, что вкусно? – спросила с улыбкой бабушка.

– Я знаю. Просто так.

– Здесь у входа разувайтесь. Сумки киньте вон туда, – бабушка махнула рукой на диван, – руки мыть, и быстро за стол, а то все стынет.

Тимур прошмыгнул в приоткрытую дверь ванной. Внутри было, как в городской квартире – белая эмалированная ванна, сверкающий хромом кран с горячей и холодной водой, полотенца и шампуни.

– Я думал, что у вас тут деревня. А вы живете как в городе, – сознался Тимур, выходя из ванной.

– Ты не сильно расстроился, внучек? – поинтересовалась бабушка, раскладывая дымящуюся картошку по тарелкам.

– Не очень, но мне представлялась совсем другая картина: деревянный сруб, иконы, лампадки.

– Извини, ничего не поделаешь, сруба нет, а лампадки вон они – в красном углу висят, – бабушка указала на противоположный от входа угол в большой комнате, – цивилизация нас не обошла стороной. Вон и телевизор есть, и холодильник.

Тимур попробовал на вкус нежную горячую картошку, отломил кусочек от котлеты. Видимо, из-за свежего деревенского воздуха, разыгрался аппетит, как у взрослого мужика. Одолев котлеты, Тимур набросился на пирожки и селедку с лучком, затем перешел к соленым грибочкам и салату оливье. Завершилась трапеза пирогом с малиновым вареньем. Бабушка Женя налила внучку необычного чая, заваренного на травах – душице и зверобое. Тимур с любопытством вдыхал, пробовал и запоминал новые вкусы.

– Бабушка, я объелся, – сказал Тимур, вылезая из-за стола.

– Молодец, что хорошо поел. Раньше хорошего работника всегда проверяли за столом. Если хорошо ел крестьянин, значит, хорошо и работает. Понимаешь? Из тебя по всему видно получится справный труженик. Ты теперь отдохни.

Тимур пошел в соседнюю комнату, лег на кровать, развалив гору из пяти пуховых подушек. Бабушка с мамой

выпили домашней клюквенной наливочки и разговорились про жизнь. Тимур изучал причудливые персидские узоры на красно-коричневом ковре, висевшем на стене комнаты. Захмелевшие женщины охали, вздыхали, хлюпали, вытирали друг другу сопли и слезы, обнимались и целовались. В общем все было как положено. Встреча блудной дочери состоялась, семья восстановилась.

То ли от вкусной еды, то ли от избытка кислорода в деревенском воздухе, то ли от того, что Тимур встал необычно рано, он заснул крепким сном, и проспал до обеда. Когда проснулся, за стеной было тихо. Мамы с бабушкой не было. Тимур осторожно встал, прошел на цыпочках по бабушкиному дому, изучая занавески и комнатные цветы на подоконниках. Заглянул на кухню, в туалет и чулан. Бабушку с мамой он нашел в огороде. Те сидели на маленьких табуреточках, разговаривали и между делом пололи грядки с овощами.

– Проснулся, внучек? – спросила бабушка.

– Как ты, Тимур? – спросила мама.

– Не все сразу. По очереди, – улыбнулся Тимур в ответ, – все здорово. У тебя бабушка такие мягкие подушки. Я в них прямо утонул.

– Ну и слава богу, главное, чтобы на пользу, – ответила бабушка, – пойдем я тебя кое с кем познакомлю.

Бабушка, кряхтя встала, взяла Тимура за руку и пошла с ним на улицу. Через дорогу от бабушкиного дома находилась большая детская площадка с качелями, песочницей,

теннисными столами, брусьями и турниками.

– Ого! – удивился Тимур.

– А ты думал у нас тута древняя Русь? – улыбнулась бабушка.

Бабушка подвела Тимура к двум ребятам, которые играли в карты на скамейке.

– Илья, Сережа, здравствуйте, – обратилась к ним бабушка.

– Здравствуйте, баба Женя, – весело, не отрываясь от игры, откликнулись ребята.

– Я вам нового друга привела. Это мой внучек. Зовут Тимуром. Сам живет в Москве. Приехал ко мне на все лето. Возьмите его в свою компанию. Не обижайте.

– Будет сделано, – подмигнув ответил тот, которого звали Илья.

– Ну, все, я пошла. Не буду вам мешать, – бабушка развернулась и поковыляла назад.

Минутку ребята изучали друг друга. Потом Илья прервал молчание:

– Садись, Тимур. Сейчас доиграем этот кон. Раздадим на троих. Умеешь в дурачка играть?

– Нет, не умею, – робко ответил Тимур.

– Не беда. Научим. Не хочешь – заставим, – Илья весело засмеялся.

– Хорошо, – ответил Тимур и присел рядом на деревянный чурбачок.

– На Сережку не обращай внимания. Он вообще всегда немного хмурый и молчаливый, – не прекращая играть, сказал Илья.

– Ничего я не хмурый, – возразил Сережка, – я задумчивый.

– Если ты задумчивый, то наверно должен быть очень умным? – спросил с хитрецей Илья, – чего ж ты мне всегда в карты проигрываешь?

– Тебе с картой везет. Другого объяснения у меня нет, – с грустью ответил Сережка.

Тимур присоединился на следующую раздачу. Правила были очень простые. Но все равно, поначалу ему не везло, или он, не совсем понимал смысл игры и проигрывал. Перекидываясь картами, ребята разговаривали и знакомились. Оказалось, Илья приехал к своей бабушке Кате по папиной линии. Илья жил в Калуге, увлекался футболом.

Сережка приехал к своей бабушке Вере. Жил он в Москве, как и Тимур, но в другом районе у метро «Бабушкинская». Он любил рисовать и играть в компьютерные игры. Очень жалел, что у бабушки нет компьютера, и с нетерпением ждал возвращения в московскую квартиру.

Ребята приезжали к своим бабушкам каждое лето, сколько себя помнили. Баба Катя, Женя и Вера были старинными подружками, дружили семьями, и проводили много времени вместе. По наследству ребятам перешла дружба и общение на все лето.

– Ну, что? Так и будем сидеть на лавочке и играть в карты? – встрепенулся Илья.

– А чем можно в деревне заниматься? – спросил Тимур.

– Может не будем? Давай просто посидим и поиграем? – встрял Сережка.

– Будем, Сережка, будем, – Илья похлопал друга по плечу, – надо нашему новому товарищу показать окрестности и достопримечательности деревни.

– Если что, я предупреждал, – вставил Сережка.

– С чего начнем? – Илья с хитрецей прищурил глаза.

– Я думаю, с карьера!!! – подыграл ему Сережка.

– Вперед, орлы, – Илья смело шагнул вперед, приглашая присоединиться к нему.

– А нам можно уходить далеко от дома? – спросил Тимур.

– А кто нам запретит? Это же деревня, дружан. Здесь тебе не город. Здесь все друг друга знают. Нам везде можно!

Они смело шагнули на асфальтированную дорогу. Тимуру было непривычно уходить далеко от дома без взрослых. В Москве было не принято гулять без наблюдения и опеки взрослых. А тут творилось что-то невероятное: они шли втроем, никто на них не обращал внимания. Постепенно тревога ушла и Тимура охватило чувство эйфории. Он жадно вдыхал чистый воздух без выхлопных газов. С интересом рассматривал частично заржавевшую металлическую башню в виде колотушки с пятиэтажный дом.

– Что это? – спросил Тимур.

– Это водонапорная башня. Но нам туда нельзя, – сообщил Сережка.

– Режимный объект. Охрана и все дела, – подтвердил Илья.

С асфальтовой дороги они свернули на грунтовую. Мимо них пару раз проехали тяжелые грузовики, поднимая за собой облака дорожной пыли.

– Чувствую, скоро будет карьер! – восторженно прокричал Тимур.

– Это точно, – подтвердил Сережка.

У знака «Проход запрещен», ребята свернули в придорожные кусты. Дальше они продирались сквозь жёсткие заросли, пригибаясь и помогая друг другу руками. Наконец, кусты расступились, и перед взором ребят открылся огромный котлован. На дне копошились два экскаватора. Пыхтя, рыча и выплевывая сизый дым, они нагружали большой грузовик песком. У Тимура от восторга приостановилось дыхание. Они стояли на краю обрыва. Вниз спускалась почти вертикальная стена из песка и щебня. Карьер впечатлял своим размером и неестественностью. Стенки были слишком отвесные, дно было слишком глубоким, цвет песка был неестественно ярким.

– Видел что-нибудь подобное? – спросил Илья.

– Спасибо, пацаны. Никогда ничего подобного не было, – Тимур не отрываясь смотрел на мощь котлована.

– Здесь надо быть аккуратным. Мы-то знаем, куда мож-

но, а куда нельзя, – продолжил Илья, – вон на той стороне два года назад засыпало двух мальчиков. Они пошли гулять, стали слишком близко к краю, земля под ними обвалилась, и они полетели вниз. Печальное событие, хоронили всей деревней.

– А здесь, где мы стоим не обвалится? – спросил Тимур.

– Не должно, – серьезно ответил Сережка, а потом добавил, – хотя, если подумать, то кто ж его знает.

– И вы спокойно об этом говорите? И стоите прямо на краю пропасти? – Тимур сделал шаг назад.

– Ты сдрейфил что ли? – спросил его Илья.

– Нет. С чего ты взял? – Тимур заставил себя сделать шаг вперед.

– Это все на что ты способен? – Илья вызывающе сделал большой шаг вперед.

– Нет. Я тоже могу, – Тимур сделал два коротких шага за Илей.

– А еще? – Илья смело шагнул вперед, – догоняй!

– Как два пальца, – ответил Тимур, и поравнялся с Илей.

– Парни, хватит. Довольно. Это действительно опасно! – пытаюсь быть спокойным, крикнул сзади Сережка.

– А ты чего стоишь? Боишься? Вон Тимур не боится, – провоцировал товарища Илья.

– А мне по фигу ваше соревнование. Я не debil, чтобы погибать под грудой песка, – сказал Сережка и сел на землю вдали от края котлована у самого края кустарника.

Тимуру казалось, что земля под ногами колыхнется и трясется от каждого рыка экскаватора. Ему казалось, что от малейшего дуновения ветерка, они могут рухнуть вниз. Дыхание замерло, ноги тряслись. Но сдаваться он не хотел, не мог он с первого дня проявить себя, как трус и слабак. Илья радостно смотрел то вперед, то на Тимура:

– Ну, что камрад? Еще по маленькой, как говорит мой дед?

– Давай, по маленькой, – волнение в груди бодрило и заставляло сердце биться сильнее.

Илья сделал еще два шага вперед и оказался у самого края. Тимур, немного помедлив, сделав робкие шаги вперед и сравнялся с Ильей.

– Ну, как ощущения? – спросил Илья.

Летний теплый ветерок теребил волосы, в небе щебетали птички, жизнь была прекрасна, но так уязвима. Осознание этого глубоко врезалось в сознание Тимура.

– Офигительно, – ответил Тимур.

Работники карьера наконец заметили ребят. Какой-то взрослый мужик закричал и замахал руками, настаивая быстрее уйти с опасного обрыва.

– Бежим, нас засекли, – крикнул Илья.

Он развернулся и сиганул в кусты. Тимур и Сережка бросились вдогонку. Обратная дорога заняла гораздо меньше времени. Ребята остановились только когда выбежали на асфальтированную дорогу и свернули в какой-то проулок.

– Шикарно, – оценил прогулку Тимур, когда отдышался.

– Не то слово. То ли еще будет, – ответил Илья.

– Я, конечно, не трус, но считаю, что это глупо, – продолжал отстаивать свое мнение Сережка.

– Да, ладно, тебе. Не нуди. Все же нормально закончилось, – прервал его Илья, – и потом нам надо было проверить Тимура. Все, считай испытание прошел. Принимаем тебя в команду.

Илья пожал Тимур руку и похлопал по плечу.

– Я бы и так тебя принял в нашу команду, – сказал Сережка и повторил рукопожатие и ритуальное похлопывание, – или мне баба Вера всю плешь проела бы.

– Это точно, – подтвердил Илья, – баба Вера строгая. Если что не так, то за ней не заржавеет. Ладно, чего стоим-то? Отдышались? Вперед, орлы.

– Куда теперь? – спросил Тимур.

– Поведем тебя в наш штаб, – сказал Илья, – у каждой серьезной команды должен быть штаб. У нас есть место, где можно встречаться, проводить время вдаль от назойливых девчонок и взрослых. Там мы сами себе хозяева.

– И у вас есть такое место? – Тимура распирало от новых впечатлений.

Деревенская жизнь ему явно нравилась. Здесь все было необычно. Свобода пьянила, обещала приключения и новые встречи. Его жизнь протекала в городской пыли вдаль от этих чудесных мест. Мама, что ж ты скрывала от меня та-

кую интересную деревню?

– Есть, – подтвердил Сережка.

– За ручьем есть заброшенный сарай. Туда никто не ходит, кроме нас. Там у нас есть все, что нужно: крыша над головой, стол, стулья, лежанки, – сообщил Илья.

Ребята свернули в проход между домами, вышли на огороды. Пройдя вдоль грядок с картошкой, вышли на окраину деревни, за которой начинался кустарник. Подойдя вплотную к зарослям, среди высокой травы и зеленых веток, Тимур увидел неприметный лаз. Низко наклонившись, ребята протиснулись в него. Яркий дневной свет померк, уступив место лесной тенистости. Изгибаясь, узкая тропинка спустилась вниз и подвела ребят к небольшому ручью. Через ручей лежало большое ветвистое дерево. По нему ребята перебрались на противоположный берег. Поднявшись по крутому склону, Тимур увидел небольшую заброшенную сторожку.

Строение имело размер примерно три метра на четыре, покосившиеся деревянные стены, крытая старым проржавевшим железом крыша. На верху гордо реяло знамя красного цвета с символикой Советского Союза.

– На знамя не обращай внимания. Мы его нашли на чердаке у бабы Веры. Она раньше работала в сельсовете, там было много старого и ненужного. Когда знамя хотели выбросить на свалку, она взяла его домой. Вот и пригодилось, – сообщил Илья.

– Мы в целом разделяем идеологию свободного социалистического общества, – выдал вдруг Сережка, – а ты как к этому относишься? Но знамя повесили просто потому что оно красивое.

– Я поддерживаю свободу, равенство и братство. Но признаться, мало обо этом думаю, – ответил Тимур.

– Тимур, ты не обращай внимания. У Сережки есть свои закидоны, к тому же это не его мысли. Так ему говорит его учитель истории, большой авторитет. Мы здесь не за этим, – успокоил друга Илья.

– Да. Это была шутка. Это наш корабль. Добро пожаловать на борт нашего космического корабля «Нострадамус», – Сережка со скрипом открыл дверь.

Тимур, слегка пригнувшись, шагнул в сторожку. Внутреннее убранство не отличалось огромным шиком, и соответствовало внешнему облику: по бокам имелись две лежанки, наверно бывший хозяин здесь отдыхал. Напротив входа в стене светилось маленькое окошко, стекло отсутствовало, по углам налипла паутина. Ниже окна висело прибитое большим гвоздем к стене велосипедное колесо.

– Это штурвал нашего корабля, – доложил Илья, и ловко крутанул колесо влево-вправо.

Сережка достал из-под лежака проржавевший металлический ящик.

– Тимур, для нас большая честь приветствовать тебя на борту нашего корабля. Знакомься: это Илья. Он капитан

нашего судна, – торжественно сообщил Сережка.

– А это Сережка, он штурман этой посудыны. Его задача проложить курс и выбрать оптимальный маршрут движения, – в тон ему продолжил Илья.

– Парни, вы красавцы, – от удивления Тимур присел на лежак слева, – чего я не мог представить себе даже в самых смелых мечтаниях, так это такого корабля. Возьмите меня с собой, я готов выполнять любую самую грязную работу на корабле. Юнгой, механиком, коком...

– А для чего мы тебя сюда привели? Как ты думаешь? – спросил Илья.

– У нас не хватает в команде стрелка, – сообщил Сережка, – в прошлом году был товарищ Петруха. Но в этом году он в деревню не собирается. Его бабушка нам сказала, что он сперва поедет в Турцию, потом еще куда-то. Разрыдалась, еле ее успокоили.

– Мы сами расстроились сильнее ее, – подхватил рассказ Илья, – нам без наводчика и специалиста по ракетам, пушкам и пулеметам вообще не жить. В последние две недели дальше земной орбиты не ходили. Страшно на неуконплектованном корабле. Понимаешь?

– Как не понять, – ответил ошарашенный Тимур, – я готов. Хоть сейчас.

– Ура, – вскрикнул Илья, – все по местам! Стартуем.

Ребята, преодолев земное притяжение вышли в космос на третьей космической скорости. Затем на форсаже выле-

тели за пределы Солнечной системы. Там перешли в гиперпространство и вынырнули в звездной системе Ориона. Им крупно повезло, и команда корабля открыла новую планету с земным типом атмосферы. В честь нового члена экипажа, ей дали название «Тимурина». Оставили на планете маленький лагерь, где отметили свои права на колонизацию новой планеты. Занесли координаты и основные параметры планеты (вес, состав атмосферы, средняя температура) во вселенский звездный каталог.

Затем они посетили межгалактическую базу в соседнем секторе созвездия Ориона, где пополнили запасы провианта и горячего. Здесь они провели чудесный вечер на местной дискотеке. Было все по-взрослому – девочки-туземки, ром и текила, привокзальный отель с клопами, вполне себе земными, между прочим.

Но как ни хорошо в космосе, пришло время и надо было возвращаться домой. Солнце клонилось к закату. Тимур переполнился впечатлениями. Подходя к дому, он разволновался, не получит ли нагоняй от матери за столь долгое отсутствие? На завтра договорились встретиться после обеда на площадке, потому что Сережка с утра помогал бабе Вере в огороде. Ему надо было прополоть грядки и полить огурцы. Дружеские объятия, и ребята разошлись в разные стороны по домам.

Тимур робко открыл калитку на участок бабы Жени. На скамейке рядом с крыльцом, обнявшись и накрывшись

пледом, сидела мама и бабушка.

– Тимур, ты где был? – шмыгая носом спросила мама.

– Я гулял с ребятами. С Ильей и Сережкой, – ответил Тимур, опустив глаза в землю.

– Почему ты меня не предупредил? – смахнув слезу, спросила мама.

– Не ругай его, дочь. Тимур уже большой. И ребята с ним хорошие. С такими не пропадешь, – защитила внука бабушка.

– Я же волнуюсь. Он маленький, ни разу в деревне не был, никогда без присмотра не оставался, – не повышая голоса, сообщила мама.

– Он очень даже взрослый, ему уже десять лет. Ты вспомни себя в этом возрасте. Если уходила гулять, найти тебя было невозможно. Куда ты только со своими подружками не залезала, – бабушка успокаивала маму.

– Вот именно, мама! Потому что я прекрасно представляю, куда заносит детей в этом возрасте, я и волнуюсь.

– Мам, я больше не буду, – помычал Тимур, присаживаясь рядом с мамой.

Мама накрыла Тимура пледом. Рядом с ней было тепло и спокойно. У Тимура отлегло с души, он понял, что сегодня ругать не будут. Что в деревне всё немного по-другому. И это здорово.

– Нельзя чрезмерно опекать мальчика. Надо давать ему свободу. Даже если он обдерет ногу или поцарапает руку,

нет большой беды. Если ты хочешь, чтобы вырос настоящий мужчина, то позволь самостоятельно найти свой путь. Пускай, и набивая шишки. Можно учиться на своих ошибках. Хотя лучше, конечно, на чужих, – спокойно проложила бабушка.

– Я знаю. Ты права. Но я же мать. Ты меня должна понять, – возразила мама.

– Ты не представляешь, как я тебя понимаю. Поверь мне, все было. Я много раз об этом передумала и пережила. Но уверяю тебя, так будет лучше.

– Бабушка, а у тебя котлеты еще остались? – спросил Тимур, – я голодный, как тысяча чертей.

– Конечно, внучек. Конечно, мой золотой, – залепетала бабушка, – вот мы с тобой старые дуры. Парень устал, набегался, пришёл голодный. Надо кормить мужика, а мы сидим и плачем.

Причитая и ахая, женщины переместились на кухню. Бабушка разогрела котлеты и картошку. Тимур поужинал с превеликим удовольствием. После еды он мгновенно уснул, сказала накопившаяся усталость. С утра мама уехала в Москву, у нее было много дел, в понедельник с утра на работу. Тимур остался вдвоем с бабушкой. Мама обещала приезжать по выходным.

– Чем тебе помочь, бабушка? – спросил Тимур.

– А гулять тебе не надо? Друзья тебя не ждут? – спросила баба Женя.

– Пока не ждут. Мы договорились, что встречаемся на площадке после обеда.

– Тогда другое дело. Помогай. В деревне у нас много дел. Можно ремонтировать, можно огородом заниматься, можно в лес за грибами и ягодами ходить. Всего не перечислишь.

– А сегодня что мы будем делать?

– Пойдем в огород. Будем полоть морковь.

Баба Женя показала Тимуру как растет морковь, чем она отличается от сорняков. Тимур с энтузиазмом принялся за работу. Он лихо выдергивал сорняки, складывал в жестяное ведро. Прошло минут пятнадцать. Тимур оглянулся, но оказалось, что он продвинулся в выполнении задания на полступни. У бабы Жени на соседней грядке получалось гораздо веселее.

– Баба Женя, а ты что пропальываешь? – спросил Тимур.

– У меня здесь лук растет. А что?

– Давай поменяемся, а то мне кажется, что морковь не хочет полоться.

– Давай поменяемся. Мне без разницы. От перемены мест слагаемых, сумма не меняется.

Они поменялись местами. Прошло двадцать минут, и оказалось, что баба Женя продвинулась на середину грядки, а Тимур топтался на одном месте.

– Почему у меня медленно получается? – рассеянно спросил Тимур.

– Потому что ты этим раньше никогда не занимался. В лю-

бом занятии нужен навык. Он приобретается только упражнениями. Другой хитрости нет, – ответила баба Женя.

– Я хочу сейчас же научиться.

– Не переживай, если захочешь – научишься чему пожелаешь. Главное не бросай, сделай сколько сможешь. Я тебе помогу закончить грядку, одного не брошу.

– Спасибо, бабушка.

– Не за что, внучек.

– Бабушка, а у тебя был дедушка? И где он сейчас? – спросил Тимур.

– Был, а как же. А чего это ты про него спрашиваешь?

– Мне интересно. Он ушел из семьи, как наш папка? Он тоже был редкостным эгоистом?

– Нет. Мой муж, отец твоей мамы был хорошим человеком. Настоящим, мужественным, честным, работающим. На него можно было положиться в любом деле. Про таких говорят, что с ним можно идти хоть на край земли, хоть в разведку.

– Расскажи мне про него. Хочу знать про деда – настоящего мужчину.

– Хочешь стать настоящим мужчиной? И защищать женщин от бед и напастей?

– Да, хочу, – твердо ответил Тимур.

– Ну тогда слушай. Как-то в наш колхоз приехал молодой специалист, инженер Михаил. Он был невероятно красив, статен, волосами кудряв. Все наши местные девчонки сразу

положили на него глаз. Нарочито проходили мимо, улыба-лись и строили глазки. А я, надо сказать, не обратила по пер-вости на него внимания. Был у меня тогда ухажер Санька, тракторист из деревни Микулино. Ну, а Миша выделил ме-ня среди многочисленных подруг. Потом он зачастил к нам на склад, где я работала кладовщицей. То конфету принесет, то яблочко свежее, то ромашку с поля. Говорит мне: «Евге-ния, очень у вас замечательное имя. У меня так первую учи-тельницу звали». Я в краску, значит. А он на завтра опять тут как тут: с клубникой стоит и улыбается. Такое поведение не скрылось от Саньки, люди добрые все рассказали. Ну, он его и подкараулил вечером у тына. А Санька был здоровый, кулачище как две мои головы. Навалил он сопернику по пер-вое число. Лежал Миша долго на больничном. В милицию заявление не стал писать. Не хотел неприятностей Саньке. Пришла к нему я один раз, принесла молочка парного. Гово-рю: «Михаил, вы простите, но у меня есть жених. Он шиб-ко ревнивый. Вы ко мне больше не ходите». Михаил только и ответил: «Хорошо, Женечка». А сам глазами меня ис-пепеляет, ресницами – хлоп, хлоп. Ушла я от него, а у самой сердце не на месте. Иду домой плачу, жалко мне его стало. За меня же дуру пострадал, а я такая не благодарная оказа-лась. Санька ко мне вечером приходит, зовет на танцы. Идем мы с ним под ручку, а он сам не свой. Донесли ему, что ходи-ла к Мише и навещала. Спрашиваю его: «Чего сопишь? Го-вори, если что хочешь сказать». Он мне: «Ходила к нему?»

Я: «Ходила. А тебе какое дело? Я не твоя собственность». Он замолчал. В тот вечер Санька с друзьями сильно напил-ся. Я ушла с танцев одна. Он вечером пришёл к дому, сло-мал забор, полез в окно ко мне. Батя его вышвырнул на ули-цу. И говорит: «Санька, если ты любишь Женьку, то женись. А непотребство чинить не позволю. Стыдно перед людьми». Санька и говорит мне пьяным языком, дыша перегаром: «Ев-гения, краса моя, выходи за меня». Я смотрю на него: гряз-ный, противный, а у самой перед глазами Миша – красивый, всегда причёсанный, одеколоном от него пахнет, разговари-вает культурно, ручку всегда подаст, грубого слова от него не услышишь, глазищами на меня посмотрит – у меня серд-це стынет. Я и рубанула: «Не пойду я за тебя, Санька, за-муж». Он как заорет: «Курва, пожалеешь, локти кусать бу-дешь». У меня в тот момент прямо глаза открылись, чего я с этим Санькой столько времени ходила на танцы? Через пару дней смотрю стоит у ворот склада Миша с букетиком незабудок: «Извините, – говорит, – Евгения, не могу забыть вашего лица, вашей улыбки. Не прогоняйте, не могу я без вас жить». Ноги у меня в тот час покосились, сползла я тихо-нечко по стеночке. Он меня подхватил, на скамейку усадил. Сама рыдаю, ничего поделать не могу. У него самого слезы по лицу ползут. Все мы про друг дружку поняли в этот мо-мент. Уткнулась я ему в плечо, говорю: «Хорошо, Михаил, давайте попробуем подружиться. Не буду вас больше прого-нять». Миша просидел остаток дня на скамейке, пока я ра-

ботала. Проводил до дома. Начали мы с ним ходить на танцы, гулять по берегу вдоль реки. И так через полгода догулялись до свадьбы. Санька пытался еще прийти ко мне, чтобы извиниться. Приходил и угрожал Мише, но мы попросили с ним поговорить участкового, и Санька вроде отстал. Перестал буйнить и успокоился. Потом Санька женился на моей подружке Вере. Ты знаешь их внука – Сережку. Верка его строго так взяла в оборот. Санька, в принципе, хороший мужик, работающий, мне иногда приходит помогает, если что сломается.

– Дед Миша умер? – спросил Тимур.

– Погиб. Сейчас расскажу. Через год после свадьбы у нас родилась Верочка, твоя мама. Чуть позже еще родился сыночек – назвали Матвеем. Но в возрасте трех лет Матвей простудился, заболел воспалением легких и умер. Мы очень сильно горевали. Хотели еще детей родить, но что-то не получалось. Уж не знаю почему. В возрасте семи лет твоя мать с подружками пошла за скотный двор на болото. Цветы там видите ли красивые были, желтенькие. Там была узенькая тропочка, по которой можно было пройти. Подружка Света неосторожно шагнула в сторону и начала тонуть, Верка кинулась ее спасать, и сама угодила в эту лужу. А топь коварна тем, что чем больше барахтаешься, тем она тебя сильнее засасывает. Самостоятельно выбраться из трясины невозможно. Они начали кричать, звать на помощь. Третья подружка побежала в деревню за помощью, на встречу ей Миша.

Он бегом прибежал на болото, вытащил девчонок, но сам завяз. Он приказал девчонкам бежать и звать взрослых на помощь. Девчонки побежали. Когда помощь пришла Миши на поверхности не было. Его, конечно, достали. Делали искусственное дыхание, но было слишком поздно. На других мужчин после Миши, я смотреть не могла. Так и прожила остаток жизни одна с Веркой. Когда дочка уехала в Москву, мне тяжело было одной. Да, слава богу, подружки помогали понемногу. Их мужья старались, если что надо прибить или починить по мужской части. Вот такая история, – баба Женя задумчиво поглядела на небо – где ты, мой любимый Миша?

Рассказывая свою историю, бабушка не переставала полоть сорняки. Слезы иногда вытекали из глаз и скользили прямо в землю по морщинистым щекам бабы Жени. Она их не вытирала, не размазывая по щекам грязь. Тимур же, слушая бабушку, совсем перестал полоть, проникся историей.

– Вот это, да! – сказал после минутного молчания Тимур, – совсем как в кино.

– И не говори, внучек. Когда вырастешь большой, напиши книгу или сними фильм. Дед Миша тебе будет благодарен за память. Никто не хочет умирать молодым. И он не хотел, очень жизнерадостным был и веселым. Сколько еще можно было сделать хорошего.

Бабушка с внуком допололи грядки в тишине. После обеда Тимур пошел на площадку к друзьям.

– Привет! – радостно приветствовал его Илья.

– Здравствуй, – Сережка уверенно пожал руку.

– Здорово, пацаны, – бодро поздоровался Тимур.

– Ну, что на корабль? – задорно пригласил Илья.

– Ребята, а можно мне попросить, показать болото, где погиб мой дедушка Миша? – спросил Тимур.

– Знаем мы это место, – ответил Илья.

– Но, вообще-то, туда не рекомендуется ходить, а детям без взрослых особенно, – добавил Сережка.

– На карьер, можно подумать, ходить детям настоятельно рекомендуется? – съязвил Тимур.

– Ладно, ладно, не кипятись. Я же не сказал нет. Я просто предупредил, что это не приветствуется, – ответил Илья.

– Я – против. Делать там нечего, – не отступал Сережка.

– Бойтесь, можете не ходить. Расскажите, где это болото, я один схожу, – решительно отрезал Тимур.

– Пошли, – Илья шагнул в сторону леса.

– Ты куда? – спросил Сережка.

– По деревне нельзя. Засекут, будут ругать, начнутся проблемы. Обязательно кто-нибудь наябедничает. Мне не хочется сидеть под арестом, – ответил Илья.

Троица ребят пробиралась вокруг деревни по кустам и оврагам, перелезая ручьи и перебегая полевые дороги. Наконец, перед Тимуром открылась ровная, заросшая мхом, поверхность болота, с кочками и чахлыми деревцами.

– Вот смотри. Это болото, – показал вперед рукой Илья.

– Примерно вон там направо и утонул твой дед, – уточнил

Сережка.

Тимур сделал шаг вперед на мягкий зеленый мох. Нога утонула в мягком ковре по щиколотку. Тимур сделал еще шаг, мох пружинил, но держал. Тимур сделал еще пару шагов вперед.

– Я не проваливаюсь, хотя ощущения странные, как будто я на ковре-самолете, – крикнул друзьям Тимур.

– Ты бы вернулся, это не шутки, – предупредил его Илья.

Тимур сделал еще шаг, и ощутил ногой воду. Она быстро проникла в правый кроссовок. Обувь стала тяжелой и неприятной. Из-под ног потянуло болотной тиной и сыростью. Холодок пробежал по спине Тимура. Он медленно развернулся, и пружинящей походкой вернулся на твёрдый берег.

– Зачерпнул воды, – оправдываясь, сообщил он приятелям.

– Довольный? – спросил Сережка.

– Знаешь? Да, довольный, – ответил Тимур, – я ощутил кончиками ног эту таинственную и зловещую мощь болота. Мне было страшно, почти как вчера на карьере.

Слив воду из кроссовки, и выжав носок, Тимур с ребятами вернулись теми же скрытными тропами в деревню, а потом и на «Нострадамус». В этот день они посетили множество планет Млечного пути, нещадно жгли корабли враждебных пауков и ящеров. Спасли колонию землян на одной из планет, которую медленно пожирало болото. Команда «Нострадамуса» построила мегалитическое сооружение, благодаря

которому вода из болот за счет вращения планеты при помощи центробежной силы направлялась по специальным желобам на полюса планеты. Там вода замерзала при минусовых температурах и складировалась до лучших времен.

В конце дня, экипаж звездного корабля случайно наткнулся на планету с засушливым климатом. Здесь явно не хватало запасов воды. Предприимчивые ребята продали за один миллиард трансгалактических долларов запасы льда на засушливую планету. Так они спасли миры от серьёзных катаклизмов и заработали приличный капитал на спокойную старость.

Потянулись счастливые и беззаботные дни деревенских каникул. Время было насыщенным событиями, дни были длинными и интересными. Житье в московской квартире вспоминалось как что-то давнее, устаревшее. В деревне каждый день приносил новые впечатления и заряжал энергией на новые свершения.

Когда вода в речке прогрелась – открылся купальный сезон. Тимур и ребята в считанные дни покрылись бронзовым загаром. На некоторое время космическая эпопея с «Нострадамусом» ушла на второй план. Ее всерьез потеснили водные приключения. Оказывается, в мире еще много неоткрытых и неизведанных островов и материков. Из старых досок и кусков деревяшек, ребята соорудили плот, и днями напролет исследовали окрестную акваторию.

Затем, погода испортилась, пошли дожди. Отважные пу-

тешественники вновь устремились в космос. Переживая дождь в сторожке, ребята узнали, что крыша протекает. Было принято решение починить крышу. Ребята скосили высокую траву у ручья и уложили ее на крышу поверх проржавевших листов. Герметичность жилого отсека космического корабля «Нострадамус», была восстановлена. Можно было вновь покорять вселенную, несмотря на непогоду.

Команда смелых космолётчиков избородила близлежащий космос. После многочисленных стычек с кораблями инопланетян, решили, что «Нострадамусу» не хватает огневой мощи, и корабль надо срочно дооборудовать лазерной пушкой нового поколения. Удача в тот момент не покинула отважных путешественников. Сережка рассказал, что подходящую пушку случайно видел в канаве на противоположном конце деревни. Ею оказалась двухметровая асбоцементная труба диаметром пятнадцать сантиметров. Дабы не потерять ценную находку, в тот же день была снаряжена экспедиция для транспортировки трубы на борт космического корабля. Ведь не будет хорошая лазерная пушка просто так валяться у дороги. Обязательно найдётся какая-нибудь пиратская шхуна и заберет к себе на борт ценное оружие.

Труба весила около двадцати килограммов, часто выпадала из рук, отбивая ступни. Но ребята не сдавались, и под прикрытием вечерних сумерек дотащили трубу до тропинки, ведущей к штабу. Отдохнув ночью и набравшись сил, операция продолжилась с самого утра. Первое серьезное препят-

ствие, которое надо преодолеть, был ручей. Перенести трубу по поваленному дереву, не представлялось возможным. Тимур и Илья разделись по пояс, и смогли переправить трубу на противоположный берег вплавь.

Самое тяжелое их ждало впереди. Поднимать тяжелую трубу вверх по склону горы было сложно: труба все время норовила выскользнуть из рук и вернуться вниз. Им мешали деревья и кусты, ноги соскальзывали вниз, комары и жуки лезли в глаза, уши и нос. Ребята не сдавались. Потратив на подъем почти два часа, с небольшими передышками, трубу доставили к «Нострадамусу». Друзья радостно развалились на лежанках, празднуя свою маленькую победу.

– Ну что, продолжим? – спросил друзей Илья через пять минут.

– Куда будем крепить пушку? – поинтересовался Сережка.

– Об этом надо спросить специалиста по вооружениям, – со знанием дела предложил Илья.

– Чтобы эффективно использовать мощь лазерной пушки, ее надо установить, как можно выше, – авторитетно ответил Тимур.

– У меня сегодня нет сил ее поднимать, – Сережка безвольно опустил на лежанку.

– Не ныть. Отставить разброд и шатания. Всем слушаться командира, – строго приказал Илья.

– Слушаюсь, слушаюсь. Чего тебе командир? – устало под-

нялся на ноги Сережка.

– Мое решение такое: если оружейник сказал, что самое лучшее место для пушки на крыше, будем устанавливать на крыше. Кроме всего прочего, мне такое решение кажется вполне целесообразным.

Сказано – сделано. Ребята, используя валявшиеся рядом чурбачки, кое-как подняли трубу на крышу. Наверх залез Илья, принимал трубу и координировал общие усилия. Сторожка скрипела, шаталась, но держалась. Потом трубу надо было укрепить, и наверх, взяв куски какой-то проволоки, полез Сережка.

Уже наверху, Сережка как-то неловко подскользнулся и упал. В этот момент сторожка последний раз скрипнула и, скручиваясь по часовой стрелке, сначала медленно, а потом стремительно развалилась. Для Тимура время замедлилось, он почему-то нелепо уставился на рушащиеся стены и смотрел на происходящее как в замедленной съемке:

Вот угловой столб трескается посередине, открывая миру белую и чистую древесину, затем прямо на него летит лист железа, потом по все стороны летит легкая и сухая трава с крыши. С криком и расправив руки в разные стороны, пролетает Илья. Прямо в лицо Тимуру летит асбоцементная труба, и ударяет вскользь по щеке. Сережка рукой цепляется за трубу, и она начинает вращение, подобное пропеллеру вертолета. Прямо в грудь Тимуру летит балка из-под крыши и сбивает его с ног. Тимур это видит, но поделать ничего

не может. Он падает на спину, и его накрывают обломки крыши – листы железа, деревянные и прошлогодняя листва, застрявшая в стенках сторожки. Тимур закрывает глаза, с мыслью надо хоть что-то сделать, ударяется затылком о землю. Он теряет сознание.

Когда Тимур вновь открыл глаза, то увидел лицо Сережки, который тряс его, приговаривая:

– Тимурчик, ну пожалуйста, не умирай!!!

– Не называй меня так, – прошу тебя чуть слышно произнес Тимур.

– Ой, наконец-то. Я думал, что ты умер, – обрадовался Сережка, – почему тебя так не называть?

– С детства ненавижу имя Тимурчик. Эти уменьшительно-ласкательные сопли не по мне.

– Хорошо, хорошо. Тимур, так Тимур. Как ты себя чувствуешь?

– Хреновато, голова кружится.

Тимур приподнялся на локтях, затем с помощью Сережки сумел сесть. Тимур пощупал себя: болело плечо, на затылке было скользко от крови. Других изменений он не обнаружил.

– Как я выгляжу? – спросил Тимур.

– Хреновато, я бы сказал, – ответил Сережка, – но пару минут назад я думал, что совсем плохо. Сейчас уже лучше.

– Где Илья?

– Он побежал за помощью. Мы подумали, что ты не придешь в себя, и испугались, – Сережка всхлипнул.

– Помоги-ка мне подняться, – попросил Тимур.

Сережка поднялся и протянул руку. Тимур со стоном поднялся на ноги, стрельнула рука, нога, закружилась голова. Он прислонился к Сережке.

– Пойдем потихоньку домой, сейчас баба Женя с ума сойдет, – сказал Тимур.

Оружейник потерпевшего крушение космического корабля «Нострадамус» немного постоял, привыкнув к боли и головокружению. Затем сделал первый шаг вперед. Они аккуратно спустились к ручью, и в это время к ним подошла подмога: плачущая баба Женя, дед Санька и баба Вера. Дед Санька подхватил Тимура на руки, перенёс через ручей, и бережно доставил раненого домой.

Баба Женя вызвала скорую. Врач, осмотрев, сказал, что есть небольшое сотрясение мозга и множественные ушибы. Переломов нет. Через три дня Тимур вышел на площадку к друзьям. Каникулы продолжались. Маме решили ничего не рассказывать. Зачем ее расстраивать, все же обошлось.

Глава 5

Научила его чему-либо та детская травма? Наверно, он стал более осторожным. Но, все равно, лез сломя голову в опасные места. Сколько раз он мог закончить жизненный путь? Зачем сейчас добровольно лезет в петлю? Нет, теперь, конечно, совсем другой случай. Здесь не упадет труба или кирпич на голову. Он всего лишь поедет в колонию, будет шить фуфайки и рукавицы долгие три года.

Напрашивался вывод, что горбатого могила исправит. Всегда, сколько Тимур помнил, он бросал вызов судьбе, первым кидался в воду, бежал сломя голову на помощь другу, не пасовал перед сильным противником. И сейчас стоит Тимур, свободолюбивый и гордый, перед важным испытанием. Сильный ветер развеивает волосы и полощет длинные полы черного плаща. А перед ним высится страшный монстр, который носит имя «Нечестное и несправедливое государство».

Почему Тимур решил, что государство должно быть честным и справедливым? Да потому что ему в детстве сказали, что вселенная развивается от плохого к хорошему, от маленького к большому. В этом скрыта тайна эволюции в природе. От простых и примитивных форм существования история идет к сложным и более совершенным. Подобные законы мироздания должны работать и в отношении челове-

ческого общества. В перспективе люди должны жить долго и счастливо, в справедливом и честном мире. Так должно быть. Должно.

По пути к этому лучшему миру, возможны трудности, неизбежны проблемы. Но положительные герои всегда побеждают. Это же так просто и понятно. Если людям земли рассказать про безоблачное будущее человечества, то все всё поймут, и пойдут, и помогут. Один он, конечно, не справится. Как донести истину и правду до людских умов? Как убедить? Как сделать, чтобы они поверили? Ведь у каждого есть насущные проблемы, сложившиеся взгляды и убеждения. Никто не хочет слезать с теплой печки, и кидаться омут перемен, пускай и привлекательных, но все же неопределённых. Ведь Советский Союз тоже был красивой мечтой человечества, но не получилось, потому что люди забыли ради чего начинались изменения в обществе. Потому что рабочим и крестьянам обещали коммунизм, а получился застой в развитии социализме. Коммунисты где-то допустили ошибку, и общество поразила коррупция и кумовство, началось вранье и обман.

Нельзя обманывать людей, надо всегда говорить правду. Так лучше. Даже если правда горькая и неприятная. Всегда можно понять, простить и сообща решить проблему. В Великую Отечественную войну наша страна выстояла, в первую очередь, потому что возобладала идея здравого смысла. Подлецы и негодяи вдруг оказались лишними и никчемными.

А работающих, умных и деятельных людей вынесло наверх. Хорошие люди делали дела и достигли быстрых результатов. Перестали работать законы кумовства, лжи и подлости. Нельзя обманом победить Германию, надо честно говорить о проблемах на фронте и их решать. Надо без утайки говорить, что такие-то танки плохие, а такие-то хорошие. Необходимо своевременно и регулярно решать задачи, повышая обороноспособность страны. И правильные дела были сделаны. И мы победили.

После войны, к сожалению, нехорошие люди снова вылезли из тайных нор. Они включили лизоблюдство и подхалимаж, на ответственные посты начали пробираться знакомые и родственники. На важные посты попадали люди не по заслугам или способностям, а по личной преданности. И страна развалилась. По правде сказать, вполне закономерно. Бессмысленно ли строить светлое будущее? Как сделать прививку человечеству от подлости и глупости? Как найти баланс между индивидуальностью и общими государственными интересами?

Вопросов много. И где ответы? Перед лицом серьезного решения, Тимура терзали сомнения. А надо ли класть голову на плаху, если революция и реформы бессмысленны? Стоит ли идти в тюрьму и тратить три года собственной молодой жизни на борьбу с ветряными мельницами?

Но, с другой стороны, именно в те мгновения, когда он боролся с несправедливостью, когда он бросал вызов систе-

ме, по-настоящему становился большим и значимым. У Тимура вырастали крылья за спиной, у него прояснялся ум, он фонтанировал идеями и энергией. В эти минуты, он чувствовал, что жизнь не проходит мимо, что он находится в самом центре событий. Это были бесценные мгновения Тимуровой жизни. Неужели теперь ему надо отказаться от мечты о самореализации, развернувшись перед опасностью? Может все-таки попробовать? Есть же вероятность, что у него получится? И тогда на смертном одре, можно будет сказать, что Тимур прожил жизнь не напрасно, и благодарные потомки в веках будут помнить его имя!

Может быть и так. Но как перебороть человеческий эгоизм, жадность и честолюбие? Об эти вещи разрушаются многие благие намерения. Стоит ли класть голову и судьбу на алтарь неблагодарных потомков? Ведь можно сгнать, умереть, и не добиться ничего серьезного, и тебя скоро забудут. Вероятно, надежнее работать где-нибудь в муниципалитете или администрации. Построить карьеру, родить детей, ездить во время отпуска в Турцию, купить дом в Подмосковье, выкопать пруд с карасями, яблони посадить. Тихо в стол писать статьи про несбывшиеся мечты. Прожить длинную и неинтересную жизнь, умереть в возрасте ста лет на берегу Средиземного моря, в окружении многочисленной родни, на руках любящей тебя жены...

Что лучше интересная и короткая жизнь, или длинная да скучная? Вопрос на миллион долларов, и подсказок нет. Ду-

май сам. И решать необходимо сейчас. У кого можно спросить подсказку? У мамы? Нет, она не объективна. Она в любом случае выберет, чтобы ее ребенок жил долго. Ей кажется, что долгая жизнь и счастливая – это синонимы. Может отец, алкоголик и наркоман, что-то знал? Ну, уж нет, к нему за советом не пойду. Сталин? Ленин? Маяковский? Может у деда Миши спросить? Интересно, конечно, чтобы дед ответил?

Для начала, рассказать ему, что творится в современной России. Дед Миша скорее всего не поверит, как можно развалить и разворовать Советский Союз? Куда мы смотрели? Почему молчали? Конечно, если бы он остался жив, то развитие пошло по-другому пути. А вдруг, смерть деда и была тем поворотным пунктом, после которого история пошла не по правильной дорожке?

– Вряд ли, внучек. В одиночку невозможно изменить судьбу страны и мира, – ответил Тимуру воображаемый дед.

Тимур открыл глаза, рядом с его кроватью на табуретке сидел мужчина сорока лет. Хотя ранее Тимур видел деда только на фотографиях, но узнал сразу. Дед Миша был одет по моде конца семидесятых: в расклешённых джинсах, в приталенной белой рубашке и коричневых ботинках на платформе.

– Ты нарядный, однако, – заметил Тимур.

– А почему бы и нет? Почему я должен одеваться по-другому? – спросил дед.

– Да потому что я хочу спросить тебя о важных государственных делах, а ты как будто торопишься на танцы в парк культуры, – с досадой буркнул Тимур.

– Это не важно. Не суди людей по одежке. Пытайся разглядеть главное, что у человека внутри. Кроме того, надо жить с легкой иронией, иначе недолго сойти с ума от умных мыслей. Извини, я тут немного подслушал. Ты слишком глубоко копаешь. Так не надо.

– А как надо? Научи, если такой умный.

– Я постараюсь, хотя ты мне можешь не поверить. Ведь я могу тебе сказать лишь то, что считаю нужным и важным исходя из собственного опыта сорокалетней давности. Ты сейчас более информированный, ты знаешь много того, чего я не знал в свою земную жизнь.

– Что ты имеешь ввиду? – прервал его Тимур.

– Представь себе, что мы с тобой разговариваем сейчас, но я знаниями и информацией там, в семидесятых годах. Я ничего не знаю об Олимпиаде в Москве, про Афганистан не знаю, про Чернобыль, про развал Советского Союза. Ничего не знаю про Крым и войну на востоке Украины. У тебя больше сведений для принятия правильного решения. Понимаешь?

– Я понимаю. Но я думаю, что есть простые человеческие ценности, которые всегда верные. Что в двадцатом веке, что в шестнадцатом.

– Так-то оно вроде так. Но не совсем. Все меняется, все

развивается. Представь себе такую ситуацию: на машине времени к вам в двадцать первый век перемещаются Ленин, Сталин и Троцкий. Пускай, чтобы им было полегче отправим вместе с ними еще сотню идейных большевиков, с отрядом латышских стрелков. Чтобы они сделали? Смогли бы они совершить революцию в России? Или наоборот, проанализировав события за последние сто лет, пришли к выводу, что это бессмысленно? И не стоит делать революцию? Как ты думаешь? – с хитринкой спросил дед.

– Я думаю, что они пришли бы к выводу, что нельзя построить коммунизм в отдельно взятой стране, а надо делать мировую революцию, чтобы не осталось на планете ни одного зародыша мирового капитализма.

– А так ли хорош будет мир без духа свободного предпринимательства? – провоцировал дед, – понимаешь, это как лекарство. Без него помрешь, наверняка. Если его слишком много, помрешь тоже. Разница невелика. Все дело в том, чтобы найти баланс, когда лекарство дают в ограниченном количестве, пока оно лечит. Нельзя превышать норму. Так и с капитализмом. Нельзя всю жизнь человеческую мерить деньгами. Фантастический коммунизм и реальный капитализм не должны быть глобальными, транснациональными, мировыми и господствующими.

– Старые большевики вряд ли с тобой согласятся, – упорствовал Тимур.

– Почему ты так думаешь? НЭП предложил лично Ленин.

Если бы он не умер, развитие страны пошло бы по другому пути. Мы этого не знаем, – сказал дед.

– Может быть. Зачем ты мне это говоришь? У меня сейчас совсем другие проблемы. Мне надо решить класть жизнь на алтарь борьбы с несправедливым государством или пойти на попятную?

– Я тебе о том и говорю. Правильное решение в 1917 году, уже неправильное в 1922-м. И уж тем более в 2020-м. Мне, из середины семидесятых годов, трудно разобраться, что будет и как правильно тебе поступить, – дед удручающе развел руками.

– Так ты мне не поможешь? – спросил Тимур.

– Я тебя, внучек, не брошу. Я помогу, чем смогу. Все равно, решать тебе. Это твоя история. Твоя жизнь, твоя судьба. Я лишь хочу посоветовать не мыслить большими категориями. Не старайся всеми силами души войти в мировую историю абсолютно чистым и белым. На примере Сталина могу тебе показать: сперва его сажали в царскую тюрьму, потом он стал уважаемым вождем мирового пролетариата. Затем его вынесли из мавзолея, и разоблачили культ личности. Затем опять вспомнили, как великого руководителя. И уверяю тебя, еще не раз он будет то великим, то ужасным. Делай то к чему лежит сердце, от чего становиться тепло и радостно на душе.

– Понятно. То есть, ты вообще не прояснил ситуацию, – вздохнул Тимур.

– Но самое главное, не будь слишком серьезным. Если хочешь бороться с мировым злом – борись. Но относиться к себе и своей жизни немного со скептицизмом. Будь таким придурковатым Дон Кихотом. Улыбайся. Если тебя судьба приведет в тюрьму, запишись в театральный кружок, напиши любовные стихи, научись играть на гитаре. Не посыпай голову пеплом, не убивайся. Жизнь может закончиться в любое мгновение, не все от тебя в этом деле зависит. Уж я-то точно знаю.

– Тебе легко говорить.

– Ты подумай, и не отмахивайся от советов. Сейчас ты сидишь третий день в камере, ни с кем не общаешься. Боишься стукачей и информаторов. Что следователи могут узнать про тебя то, чего они не знают? Явки, пароли? Все они знают, за тобой пристально следят почти два года. Ты ведешь яркую общественную деятельность. Ты не остался незамеченным. Твой телефон прослушивается, телефон твоей мамы и девушки прослушивается. Они знают адреса знакомых и близких, которых ты посещал последние два года.

– И что же делать? – растерянно спросил Тимур.

– Жить. Живи, общайся, разговаривай с людьми. Слушай анекдоты, расскажи сам, если вспомнишь. Если попадешь в тюрьму, тоже будь человеком. Общайся, помогай слабым, уважай сильных. Решай проблемы, не беги в кусты от каждой мелочи, – дед подмигнул Тимуру правым глазом.

– Я не юморист. У меня с этим неважно, – сознался Тимур.

– Это не правда. У тебя очень острый и пронизательный ум. Ты живо и остро реагируешь на окружающий мир. Этого вполне достаточно, чтобы понять и адекватно реагировать на чужие шутки. Можешь сочинять свои. Ты с детства был через чур серьезным. Ты всегда хотел быть настоящим мужчиной, в противовес расхлябанности отца. Ты хотел защищать женщин. Хотел помогать слабым и обездоленным. И это само по себе неплохо. Но ты улыбнись, и мир станет более приятным.

– Спасибо. Я, кажется, начинаю понимать, что ты мне хочешь сказать, – задумался Тимур.

– Ну, и хорошо, – ответил дед.

– Нам тебя не хватало, – добавил Тимур.

– Я знаю, но у меня тогда не было выбора. Если бы я замешкался, или поступил иначе, то не было бы тебя и твоей мамы. А согласишься, это совсем печально. Иногда надо чем-то жертвовать ради будущего детей и внуков. Быть может в этом и было мое предназначение и самое главное дело в жизни. Конечно, хотелось пожить еще. У меня была красавица жена, славненькая дочка. Но по-другому, все равно не получилось бы. Я не жалею ни секунды о сделанном выборе.

– Я горжусь тобой, дед!

– А я тобой. Ты хороший потомок, – дед зажмурил глаза, сдерживая слезы.

– Ты еще придешь ко мне? – спросил Тимур.

– Я всегда буду рядом, – ответил дед, – обращайся, если что.

– Спасибо, тебе.

Тимур на секунду закрыл глаза. Когда открыл, видение деда исчезло. Жаль. Видение было очень натуральным, как будто дед был здесь. Вот дела. Совсем с ума свихнуться можно. Нельзя сильно перенапрягаться. Дед, в принципе сказал правду, надо быть попроще, не так сильно себя корить за ошибки, не так сильно упираться.

На соседней кровати лежал паренек лет двадцати, и молча смотрел в потолок.

– Можно я тебе расскажу анекдот? – тихо спросил Тимур.

– Не знаю, мне сейчас ничего не хочется. Извини, – ответил сосед по койке.

– И все же. Дай я попробую, слушай:

Умер Папа Карло. Попадает он, значит, на страшный суд. Во главе заседания сидит Иисус Христос.

– Рассказывай, добрый старик. Как жил? Чего добился? Как грешил? – спрашивает его Иисус.

– Я, мил человек, простой столяр. Всю жизнь работал, не доедал. Не досыпал. С трудом сводил концы с концами, – отвечает ему Папа Карло, – сам я человек неприметный, мало чего добился, но моего сына знает весь мир.

Минута молчания. Иисус приподнимается со своего трона, выходит из-за стола. Распахивает свои объятия и со всех ног несется к Папе Карло:

– Папа!!!

– Буратино!!! – Папа Карло с ответными объятиями встречает Иисуса.

– Ха, ха, смешно, – паренек рассмеялся.

Пока Тимур рассказывал анекдот, к ним подсоединились другие сокамерники. Тимур пришлось второй раз рассказывать анекдот с начала. Но это того стоило. Вокруг его кровати собралось половина заключенных, все весело хохотали, снимая накопившееся напряжение. Потом анекдоты начали рассказывать по кругу. Большим успехом пользовались политические анекдоты и истории. К концу вечера все перезнакомились друг с другом. Обсудили общую политическую ситуацию в стране. Оказалось, в камере было много единомышленников.

Завязалось тесное общение, сокамерники делились знаниями, давали советы, как вести со следователями, как выбирать адвокатов. Многие понравились Тимур просто как люди, с их человеческим общением и мыслями. Тимур подумал, что после освобождения со многими арестантами надо встретиться на воле.

Настроение у Тимура заметно улучшилось. Все-таки прав был дед: больше общайся и разговаривай. В разговорах и взаимодействии людей проверяются истины, находятся решения, формируются навыки, так необходимые для нормальной человеческой жизни. В эту ночь, в первые за последние дни, Тимур безмятежно заснул, на утро встал бодрым и уве-

ренным. Сделал зарядку, умылся. Обменялся мыслями и со-
ображениями с соседом.

Глава 6

В одиннадцать часов его вызвали на встречу с адвокатом:

– Доброе утро, Борис, – Тимур бодро пожал руку адвокату.

– Доброе утро, Тимур, – с некоторым удивлением ответил тот.

– Как наши дела? На мой взгляд, самая большая беда нахождения в СИЗО заключается в том, что невозможно что-то делать. Есть существенные ограничения в передвижении и самореализации. Я тебя с нетерпением ждал, хочется действовать.

– Отлично. Я рад, что у тебя боевое настроение. Это хорошо. Вчера вечером в эфир вышли семь роликов на тему твоего задержания. В общей массе ролики набрали уже более трех миллионов просмотров. Интернет кипит, люди волнуются, из всех уголков мира летят положительные комментарии. Думаю, что если твое имя некоторые люди еще пока не знали, то это в прошлом. С сегодняшнего дня оно в первых строчках новостей, – гордо доложил Борис.

– Хорошо. Как ты думаешь, такая бешенная популярность может привести к смягчению и ужесточению наказания? – спросил Тимур.

– Пока не могу сказать. Ясно одно, что ты будешь заметной фигурой. Уже сегодня у следственного изолятора я за-

метил трех одиночных пикетчиков с плакатами в твою защиту. Может быть это просто твои друзья и знакомые. Не знаю. Будем дальше следить, как развивается ситуация.

– И все же мне кажется, чем сильнее вырастет моя массмедийная личность, тем ко мне будут применяться более строгие меры наказания. Надо же меня держать в узде. И сильнее наказать, чтоб другим неповадно было. Так?

– Возможно, и так, – согласился адвокат, – но ты же готов к подобному развитию ситуации?

– Готов, готов. Не переживай. У меня просто нет информации. Я в заключении ничего не вижу, ничего не слышу. Ты, Борис, мои уши и глаза. Мне, например, нужны свежие анекдоты. Не смейся. Мы вчера в камере рассказывали друг другу байки и анекдоты. Было здорово и весело. У нас так мало радостей. Поэтому у меня к тебе поручение, каждый день, когда ты ко мне приходишь – с тебя пять анекдотов. Только смешных, пожалуйста. Хорошо?

– Ты серьезно? – удивился Борис.

– Серьезнее некуда, – подтвердил Тимур, – мало того. Сейчас давай напрягайся и вспоминай анекдот. Пока не расскажешь – не отпущу.

– Хорошо, я попробую, – Борис почесал затылок, потом правый висок, и выдал:

Мама пишет в тюрьму сыну: Сынок, как тебя посадили сил нет, некому помогать по хозяйству – огород не вскопанный, картошка не посажена, что делать – не знаю! Сын пи-

шет ответ: «Мама в огороде не копайся, накопишь такого, что и тебя посадят и мне срок добавят». Мама опять пишет сыну: «Сынок как пришло твое письмо, приехали мусора, перекопали весь огород, ничего не нашли – уехали злые, матерились». Сын пишет ответ: «Мама! Чем мог – тем помог, картошку сажайте сами.»

– Ха-ха-ха, – Тимур весело рассмеялся, – Здорово! Молодец! Спасибо.

– Ты – необычный человек, – сказал Борис, – не думал, что от человека в тюрьме можно ждать такой просьбы. Но мне нравится подобный настрой.

– То ли еще будет. Будем жить, как говорил командир второй поющей эскадрильи. Расскажи мне еще, что у наших следователей? Есть какая-нибудь новая информация? Назначена ли дата суда?

– Даты суда пока нет. Но у них всё без изменений. Готовят документы, проверяют. Думаю, в течение недели назначат точную дату.

– Хорошо.

– Если хочешь, то можешь написать бумажное письмо маме или девушке. Я передам, – предложил Борис.

– Здорово, давай напишу, – отозвался Тимур.

Борис достал из портфеля тетрадку в клеточку, вытащил из кармана шариковую ручку. Сам присел на стул, чтобы не подсматривать, что напишет Тимур.

– Ты только не пиши что-то важное, провокационное или

секретное. Меня на выходе могут обыскать, – предупредил Борис.

– Хорошо, постараюсь, – ответил Тимур, и взялся за ручку.

Дорогая, мама! Очень необычно писать письмо на бумаге. Чувствую себя, как декабрист в ссылке. В первых строках своего письма спешу тебе сообщить, что жив и здоров, чего и тебе желаю. Обустроился я хорошо. В камере меня ценят и уважают. Кормят нормально, хотя шибко на казённых харчах не растолстеешь. Ты не печалься, все будет хорошо. Люблю тебя, целую, обнимаю. Твой непутевый сын, Тимур Александрович.

Тимур вырвал лист с написанным посланием, сложил его в четверо и продолжил писать послание Рите:

Приветствую тебя, моя Маргаритка! Только здесь в разлуке я по-настоящему понял, как ты мне дорога. Часто думаю о тебе. Надеюсь, что ты тоже обо мне вспоминаешь добрыми словами. Ведь у нас есть, что вспомнить: прогулки по набережной Москвы-реки, поездку на море... Когда все закончится, я приеду к тебе, прижмусь к твоей груди (Тимур нарисовал два кружочка с точками посередине), к твоим бедрам (Тимур нарисовал черный треугольник вершиной вниз) и буду лежать так целый день. Мое письмо тебе передаст мой адвокат Борис, он молодой и симпатичный. На него не смотреть, а то я все почувствую. Ему несдобровать, ты просто не знаешь, что может сделать молодой

ревнивый уголовник. Да, да. Я теперь уголовник. Ты, теперь крепко подумай, хочешь ли ты связать свою судьбу уркой. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы мы были вместе в горе-сти и в радости, умерли в один день, и т. д. Листочек заканчивается. Следующий раз буду писать более мелким подчерком. Целую, Обнимаю. Твой мужчина Тимур.

Тимур вырвал второй лист, тоже свернул и передал Борису. Адвокат положил листочки вглубь портфеля.

– У меня на сегодня вопросов и предложений нет, – подвел итог Борис, – давай прощаться до следующего раза.

– Хорошо, договорились. До следующего раза. Не забудь про анекдоты, – напомнил Тимур.

Тимур вернулся в камеру, сразу пересказал услышанный у адвоката анекдот. Все смеялись. Кто-то еще вспомнил смешную историю. После тюремной кормежки, Тимура потянуло прилечь и вздремнуть. А что еще делать в камере? Полежал, поел, поговорил с соседом, сделал зарядку. На воле совсем другое дело. Там можно пойти в гости, съездить в магазин, у тебя есть время на работу или на учебу. Можно заниматься хобби, или съездить на дачу и покопаться в грядках. Можно сходить в парк или в музей. Можно целовать Риту, можно ее обнять и затащить в постель... Вот только не это! Только не это! Сейчас сексуальные фантазии совсем не к месту. Тимур встал, присел двадцать раз. Понимающие соседи улыбнулись и заговорщицки подмигнули.

А что здесь такого? Он молодой сексуально активный па-

рень. Тимур улыбнулся в ответ, и лег на кровать. Он вспомнил, как вчера пообщался с дедом. Вот опять бы его представить и поговорить. А может можно пригласить для воображаемой беседы еще кого-нибудь? Маркса или Сталина? Маму или бабушку? Риту? Нет. Риту не надо, опять возникнет сексуальное возбуждение. Что возбужденному человеку делать в камере? Правильно, нечего. Лучше пригласить кого-нибудь для интеллектуального общения. Кому он хотел бы задать вопросы и услышать мудрые ответы? Современные политики были скучны, предсказуемы, и неглубоки. Их ответы были ожидаемые. Может, Джордано Бруно?

Тимур закрыл глаза. Что он помнил о Джордано Бруно? Википедию бы сейчас пролистать. Итальянского монаха сожгли на костре за мысли и убеждения о бесконечности миров. Инквизиция просила Джордано отречься от своего учения. Он трижды ответил церкви «НЕТ», и его сожгли на костре. Чтобы случилось, если бы монах отказался от своих взглядов? Например, как Галилео Галилей – отказался и прожил долгую жизнь, сделал еще много важных и хороших дел.

– Это ошибка, мой юный друг, что можно прожить счастливую жизнь после того как ты предал свои идеалы, – Тимур открыл глаза, перед ним сидел мужчина средних лет в красно-белой накидке.

– Джордано Бруно? – спросил Тимур.

– Да, собственной персоной, – отвел ему монах.

– Тимур Кротов, – представился Тимур.

– Очень приятно. Видите ли, юноша, человек отличается от других божьих тварей тем, что имеет душу и способность мыслить. Это величайший дар, которым нас наделил творец. И одновременно, это – его величайшее проклятие. При помощи этой способности человек стал владыкой мира: он умело противостоит стихиям, строит города и создает великие произведения искусства, – величественно жестикулируя руками произнес монах.

– А проклятие в чем? – прервал его Тимур.

– Проклятие в том, что ум не дает человеку покоя. Мы все время беспокоимся. Вот, вы, молодой человек, могли бы меня дослушать до конца, понять мою мысль, а потом задавать вопросы. Нет же. Вам не терпится прервать почтенного господина, и задать ненужный и торопливый вопрос.

– Извините, я больше не буду, – покаялся Тимур, – я готов слушать.

– Не извиняйся. Ты не виноват. Такова природа человеческая. И твои речи – яркий тому пример. С давних времен церковь и государство стремилось подчинить себе людей. Они хотели иметь над подданными абсолютную власть. Кроме того, им было мало просто физического подчинения, выполнения каких-либо ритуалов, свидетельствующих об их власти. Они всегда хотели власти над умами людей, хотели владеть их душами и помыслами.

– Это было понятно еще в шестнадцатом веке? – уточнил

Тимур.

– Да. Сколь-нибудь думающий человек легко до этого дойдет. Мне же были доступны сочинения великих мыслителей с начала письменной истории мира до нашего времени. Манипуляторные технологии применялись в наше время широко. Толпы людей сгоняли в большие подавляюще красивые храмы. Многочасовые проповеди подготовленных священников промывали мозги почище вашего телевидения и интернета. Инициатива подавлялась, смелые мысли изгонялись, власть усиливалась. Имея практически монополию на обучение и распространение информации, священники и монархи владели не столько странами, как умами и душами людей. А это гораздо надежнее и важнее.

– У нас много изменилось, но суть осталась, – вставил Тимур.

– Эти отношения власти, церкви и простых людей будут вечны. В этом тоже проявляется человеческая природа. Но я решил бросить вызов миру, эпохе, и по сути человеческой природе. Я нашел учение о множественности миров в трудах греческих философов. Затем я современным языком это описал, проповедовал и пропагандировал. И как ты сейчас знаешь, мое учение было верным. Но в то время его посчитали неправильным, бездоказательным и противным богу. Я нарушил первый постулат миропорядка – я нарушил монополию на информацию. Я распространял свое знание, которое показало правильную картину мира. Опираясь на ко-

торое, человек мог достичь больших высот, покорить новые вершины, развить новые технологии. Церковь и власть не могли принять этого, и не могли оставить без внимания мои проповеди. Их власть зашаталась. Я видел их искаженные страхом лица и глаза. Могу тебе сказать, что это было эпическое зрелище.

– Я восхищаюсь вами, Джордано, – не смог сдержаться Тимур.

– Но справедливости ради, надо сказать, что церковь не хотела крови. Не хотела моей смерти. Они хотели меня сломить. Это было бы для них гораздо лучшим вариантом развития истории. После смерти я становился неуязвимым, я становился страдальцем. Я становился почти равным богу. Они приложили массу сил, чтобы избежать этого. Присылали ко мне посыльных, предлагали посты в Ватикане, хотели купить меня за деньги.

– А вы? – спросил Тимур.

– Я не поддался. Я подумал, что, если я человек, и все мое отличие от обезьяны заключается только в наличии ума и души, то я не могу, не имею права предавать эти качества. Нет смысла, ради преходящих жизненных привилегий, денег и положения в обществе, идти на компромисс с собственной совестью. Грешить против истины и знания, я не имею права. Прожив остаток жизни с грязной совестью, как бы я мог смотреть в глаза соратникам и товарищам, как я мог требовать от них честности в отношениях и мыслях? В свои пять-

десять два года я решил, что важнее быть честным и отважным, чем плюнув себе в душу жить во лжи и лицемерии.

– Потрясающе, – восторженно сказал Тимур.

– Тебя гнетут подобные сомнения, друг мой? – спросил Джордано.

– В какой-то степени. Я не знаю, где истина. Я сомневаюсь, стоит ли терять часть своей жизни в тюрьме ради идеи, в которой сам не уверен, – сообщил Тимур.

– Не уверен, не иди. Если бы не было уверенности в убеждениях, я бы не пошел на костер. Зачем менять жизнь на ложные истины?

– Понимаете ли, уважаемый Джордано, все так запуталось в душе и в мыслях. В нашем мире много информации, единого взгляда на процессы, происходящие в обществе и стране нет. Много версий, мнений и теорий. Меня раздражают сомнения. Мир очень циничный и подлый, жадный и коррумпированный. Это ясно совершенно точно. А вот можно ли его изменить в лучшую сторону? Хотят ли люди этих изменений? Захотят ли они чем-либо жертвовать ради своего же светлого будущего? В этом весь вопрос, – сказал Тимур.

– Если у тебя много сомнений, сделай паузу. Не принимай пока важных решений. Твой ум обязательно приведет тебя к правильному умозаключению. Когда сомнений не останется, действуй решительно и стремительно, – Джордано первый раз за беседу улыбнулся.

– Не прояснилась ситуация, если честно, – со вздохом со-

общил Тимур.

– Ты думал, что я дам готовый рецепт? И все за тебя решу? Так нельзя. В любом случае решать тебе. Это твоя жизнь. И проживешь ее ты так, как сам решишь. Потом на смертном одре, тебе не на кого будет кивать, что мол это он мне посоветовал, и я прожил не свою судьбу. Дайте мне еще шанс, и я все исправлю. Так не будет, – подвел итог итальянский монах.

– Да я особо ни на кого и не надеюсь, – с досадой заметил Тимур.

– Чем тебе тогда помочь? Хочешь исповедоваться? Могу грехи отпустить или благословить на доброе дело, – монах пошурудил руками внутри рясы и достал маленькую библию и здоровенный крест из жёлтого металла.

– Вы серьёзно? – удивился Тимур.

– Я похож на комика или шутника? На все воля божия, все мы рабы его. Он может дать тебе силы противостоять напастям и направить на путь истины. Я всегда в минуты сомнения обращался к господу молитвой. И всегда он мне помогал, – Джордано поднял руки высоко вверх, издали зазвучала призывная органная музыка.

– Я не верующий. Извините, – предупредил Тимур.

– Это не страшно. Не хорошо, но не смертельно. Никогда не поздно прийти к богу. Можно прямо сейчас.

– Я пока не готов.

– Не будем причащаться? – библия и крест пропали

в складках монашеского одеяния, музыка оборвалась на полутакте.

– Думаю, что это будет нечестно перед моей совестью, – сказал Тимур.

– Тогда я пошел, – согласился Джордано, – желаю, несмотря на все выше сказанное, удачи и достижения светлых целей.

Монах ногой пододвинул табуретку под кровать и ушел. Тимур хлопал ресницами, тер щеки ладонями. Снова видение было через чур натуральным. Может он научился разговаривать с духами? Или у него разыгралось воображение из-за ограниченности общения в тюремной камере? Раньше у него не было привычки общаться с давно умершими родственниками или известными людьми. Тимур перевернулся на другой бок и постарался заснуть.

Сомнения, развеявшиеся вчера, сегодня расцвели пышным цветом. Тимур спал тревожно. Часто просыпался, ходил в туалет. Кроме того, сокамерник через кровать храпел, как паровоз. Это мешало не только Тимурю. Соседа часто будили. Тот просыпался. Но потом опять засыпал, и храпение повторялось. Тимур не выспался. Встал уставшим и разбитым. Нехотя сделал зарядку, поприседал и несколько раз отжался. Побрызгался водой из-под крана. Немного взбодрился.

Глава 7

В десять часов Тимура вызвали на свидание с адвокатом. Но оказалось, что это был не Борис. В комнате для общения с адвокатом Тимура ждал коренастый мужчина средних лет в строгом сером костюме:

– Добрый день, Тимур Александрович, – первым протянул руку неизвестный гость, – меня зовут Королюк Иван Степанович, я – майор ФСБ. У меня к вам важное дело.

Майор протянул свое служебное удостоверение. Тимур пробежал глазами по краснокорочной книжице, фсбэшник отработанным жестом ловко схлопнул ее и убрал во внутренний карман пиджака.

– Добрый день, – ответил Тимур, – чем вызвано столь высокое внимание?

– Тимур Александрович, я хотел бы с вами пару минут побеседовать. У меня деловое предложение, от которого не советую отказываться. На кону ваша жизнь и ваше будущее.

– Уважаемый Иван Степанович, а можно я буду беседовать с вами в присутствии адвоката? – спросил Тимур.

– Если желаете, то мы можем пригласить на беседу Бориса Евгеньевича, но уверяю вас – он только помешает. В таких делах, третий лишний. Будь он хоть господь бог, хоть мама родная. Вы сами не заинтересованы в распространении нашего разговора. Поверьте, мне.

– Хорошо, давайте попробуем, – согласился Тимур, – но имейте ввиду, если я что-нибудь заподозрю, то попрошу присутствия адвоката.

– Тимур Александрович, я изучил ваше дело, почитал ваши статьи, посмотрел ваши выступления, – начал майор, – вы мне чертовски понравились. Вы, честное слово, молодец. Вы – честный, справедливый, умный, талантливый. Вас, безусловно, ждет великое будущее. Если, конечно, сами себя не загубите.

– Что вы имеете ввиду? – спросил Тимур.

– Жизнь – очень несправедливая и жестокая штука. Таких идейных и максималистки настроенных людей ломают пачками. Смотришь – был человек, подавал надежды, получил высшее образование. И вроде хорошо начал, а потом одно неверное решение, и его забыли. Он заболел, попал в неприятную историю, в тюрьму, или не дай бог, под колеса автомобиля, – майор вел рассказ с ехидной ухмылкой.

– Вы меня запугиваете? – прервал монолог офицера секретной службы.

– Нет. Что вы. Ни секунду. Я просто рассказываю, как оно бывает. Вы же умный человек, поэтому выводы можете сделать сами, как поступать. Я предлагаю светлое и обеспеченное будущее, хорошую работу, хорошую зарплату, уважение товарищей и сподвижников, – майор на секунду взял паузу, вероятно для того, чтобы Тимур оценил его предложение.

– Вы предлагаете мне стать стукачом и работать на ФСБ? –

возмутился Тимур.

– Какие громкие и неприятные слова: стукач, ФСБ, предательство, ложь, обман. А что за ними стоит? Кто знает, где правда, а где ложь? Нет, уважаемый Тимур Александрович, я предлагаю совсем другое. Я вам предлагаю продолжить политическую карьеру в оппозиции. Вы, как и прежде будете бороться за светлые идеалы. Будете собирать вокруг себя людей. Единственно, я вам скажу, чего вы не должны делать. Вы не должны призывать сторонников к свержению существующего строя. Вы не должны критиковать лично Президента и еще пару человек, я дам список неприкосновенных людей. Не надо вести террористической деятельности.

– Я – не террорист, – вставил Тимур.

– Я знаю, Тимур Александрович. Это я знаю. Просто я очерчиваю рамки, за которые нельзя выходить.

– Ничего не понимаю. Вам зачем это нужно? – спросил Тимур.

– Наше общество крайне разнородно. Не все любят президента и его окружение. Если мы просто пересажаем всех оппозиционеров или их перестреляем, то напряжение в обществе все равно никуда не денется. Не оппозиционеры же накаляют общество, совсем нет. В массах людей зреет недовольство, надо просто это недовольство возглавить и направить в нужное русло. Грубо говоря, ваша задача состоит в том, чтобы собрать недовольных и критически настроенных людей. Дать им площадку для общения и взаимодей-

ствия. Люди выговорятся, руками помашут, на митинге прокричатся, и успокоятся. Им понравится то, что их так много, почувствуют себя силой. И радостные разойдутся по домам.

– И?

– Мы вам поможем избежать тюрьмы. Срок у вас будет, но он будет условный. В зале суда вас выпустят из-под стражи. Срок будет, скажем, полтора года условно. На следующий день после вашего согласия вам изменят меру пресечения. Суд вы будете ожидать под домашним арестом. А это совсем другое дело, как вы уже можете догадаться. Под домашним арестом у вас на ноге будет маленький браслет с радиопередатчиком. Без разрешения нельзя выходить из дома. После суда, мы поможем устроиться на известную радиостанцию. Я думаю, что у вас получится. Вы будете в прямом эфире встречаться с разными людьми, будете критиковать власть, ругать ее. Но с ограничениями, которые я назвал. Плохая власть? – Да. Есть коррупция? – Есть. Давайте возмущаться? – Давайте. Вы будете спускать пар и не давать разразиться большой катастрофе. Протест должен быть тихим, мирным, не большим, и, главное, контролируемым.

– А на телевидение можно? – спросил вдруг Тимур.

– Не телевидение пока нельзя. Я бы пустил на телевидение пару оппозиционеров, но на «верху» побаиваются. Ваша задача состоит в том, чтобы люди привыкли к мысли, что справедливости нет и не будет. Что власть жадная, глупая и нечестная, но другой нет и не будет. Что таковы законы

общества и жизни. Их не изменить. Уж насколько был Советский Союз хорошим государством, и то распался. Вы же не хотите развала страны? Вы должны подкидывать угля в топку недовольства граждан, но не должны безответственно разжигать пожар революции. Не должны довести людей до желания свергнуть власть насильственно.

– А сменить власть при помощи выборов? – спросил Тимур.

– При помощи выборов власть сменить нельзя. Ну, так получается. Не важно, как будут голосовать люди, сколько у вас будет сторонников и голосов. Избирательная комиссия все равно посчитает как надо. Я вас уверяю. Кто не доволен и считает, что были нарушения на выборах, может подавать в суд. Но суд вам опять же выиграть не удастся. Это уж наша забота. Власть в стране никто не отдаст.

– А если я не соглашусь?

– Ну, тогда вы меня разочаруете. Тогда лет пять вы проведет в колонии. Что там делают с молодыми красивыми мальчиками, думаю не стоит рассказывать. Если вы окажетесь через чур стойким и тюрьма вас не сломает, и будете продолжать активную революционную деятельность, то может случиться что угодно: автомобильная катастрофа, неизлечимая болезнь, кирпич на голову, отравление несвежими продуктами, ревнивый муж соседки. Это так, на вскидку. Вы же видите, что все непримиримые противники режима давно на кладбище. Вы же не хотите за ними?

– На кладбище не хочу, – согласился Тимур.

– В интернете вы видите многих людей, которые негласно с нами сотрудничают. Они имеют поклонников и сторонников. Летают отдыхать в Таиланд, в целом неплохо зарабатывают, живут в приличных домах и квартирах, имеют свою аудиторию. Делают довольно острые репортажи и расследования. Но в тюрьму они не попадают, в них никто не стреляет. Для отвода глаз, они иногда сидят под арестом по двадцать – тридцать суток. Но это – издержки профессии.

– А вас правильно понял? Это..

– Да. Правильно, – прервал Тимура майор, – если вы посмотрите их репортажи, то они никогда не призывают к насильственному свержению строя, не критикуют лично Президента. Они призывают возмущаться, делиться своими соображениями со знакомыми и родственниками, писать комментарии, призывают голосовать за определённых кандидатов. Они, по сути, отвлекают электорат от реальной политической борьбы, от конкретных действий.

– Надо признаться, вы разрушили стройную картину мира. Я представлял себе не так, – грустно изрек Тимур.

– Свое решение скажете прямо сейчас, или вам надо подумать? – спросил майор.

– Похоже, у меня нет выбора, – ответил Тимур.

– Рад, что вы понимаете. Вам жить еще и жить, детей растить. Соглашайтесь, Тимур Александрович.

– И все же, я подумаю.

– Я вас понимаю. Надо подумать? Думайте. Но только не долго. Дел много и без вас. Давайте, я приду к вам завтра в это же время, и вы мне скажете свое положительное решение. Прошу вас, только не глупите, мне будет искренне жаль, если с вами что-нибудь случится. И так в России осталось слишком мало порядочных и умных людей, – майор встал, подал руку для прощания, – до свидания, Тимур Александрович.

– До свидания, – Тимур вяло пожал руку майору ФСБ.

Тимур, расмякший как прошлогодний картофель, поплелся в камеру. Он понял, что шутки кончились, и началась взрослая жизнь. Просто так свергнуть или просто мешать своим планам, власть не позволит. Все жестко. Пошалить можно, поиграть в демократию – пожалуйста. Но в рамках дозволенного. Шаг влево, шаг вправо – и ты вне игры, кормишь червей на кладбище. И это если твой труп найдут и опознают. Зачем мне мама и бабушка прививали светлые жизненные идеалы? Чтобы их в двадцатилетнем возрасте разрушить? Чтобы рухнуть на землю и разбиться? Но майор все правильно сказал. Исковеркать молодую жизнь ничего не стоит. Не ты первый, не ты последний. А слишком принципиальные уже давно в гробах.

Как-то грустно и беспросветно. Наверное, чистый и светлый мир не наступит никогда. Где люди будущего в белых одеждах? Они все знают, никогда не болеют, покоряют космос, открывают новые законы физики, отдыхают в отпуске

на тёплых и ласковых планетах? У нас какое-то средневековое, затхлость, унылость и бесперспективняк. Лихим кавалерийским наскоком ничего не изменишь. Шею сломать можно. Не более того. Что делать-то? У кого спросить совета?

Из всех людей, который выжимал максимум из сложившихся обстоятельств, и всегда находил правильный и, главное, результативный выход, был Владимир Ильич Ленин. Тимур закрыл глаза, представил себе вождя мирового пролетариата. Тот в окружении врагов внутри, так и вне ее пределов, сумел взять власть в огромной стране, удержать и построить великое государство.

– Совершенно верно, батенька, – Тимур открыл глаза, в ногах у него на кровати, сложив ноги по-турецки сидел Ленин собственной персоной, – надо искать выход, и он обязательно найдется. Не надо отчаиваться, хотя иногда очень хочется ринуться в пучину страдания.

– Здравствуйте, – только и смог ответить Тимур.

– Наслышан я, мил человек, о ваших проблемах. Да, мир за последние сто лет сильно изменился. Я хочу сказать, что нам было и легче, и сложнее одновременно, – Ильич погладил бородку правой рукой, – власть не обладала такой информацией, как сейчас. Но и мы не обладали в той же мере достаточной массой данных о процессах внутри общества.

– Это я понимаю. Что делать-то? – благоговейно спросил Тимур.

– Я думаю, что в сложившейся ситуации, вам надо заклю-

читать сделку с царской охранкой. Какой смысл умирать молодым, не достигнув цели? Борьбу нельзя прерывать, надо искать другие варианты. Надо искать других союзников, которые могут в дальнейшем избавиться и перехитрить следователей и соглядатаев. Мы, в своё время, заключали временные союзы и с Германией, и с Махно, и с эсерами. Когда они нам были не нужны, мы легко с ними расставились, – Ильич переменял ноги, слегка массируя левую ступню.

– Понятно, – кивнул Тимур.

– Полагаю, надо согласиться на предложенные условия, и выйти из тюрьмы. Надо искать союзников. Кто может быть сильнее российской ФСБ? – Ильич узнаваемо картавил и хитро шурился.

– Спецслужбы США, Европы или Израиля? – встрепенулся Тимур, ему нравился ход мысли Владимира Ильича.

– Боюсь эти страны нам не союзники. Если ты посмотришь на политику российских властей, то поймёшь, что подобный союз уже заключен. Нет. Это не пойдет. Они могут, конечно, играть в кошки мышки и с тобой, и с властями, и еще с кем-нибудь. Они это любят. Но это контрпродуктивно. Не советую. Надо идти к тем, кто реально противостоит в мире западному империализму: Китай, Куба, может быть, Иран. Знай только, что никто не будет с тобой сотрудничать бескорыстно, и в обход собственных интересов. Все будут из тебя сосать соки. Они будут, в конечном итоге, пытаться выиграть преимущества. Пока ты слаб, должен соглашаться.

Но надо ставить задачу нарастить мышцы, собрать ресурсы, и стать независимым. Так и Китай когда-то вышел из-под нашей опеки. Вначале мы им помогали, но они не захотели терпеть внешнее управление, и порвали покровительские взаимоотношения, – Ильич опять переменял ноги, и массировал теперь правую пятку.

– Понял, спасибо за совет, – к Тимуру возвращалось хорошее настроение.

– Рад, что помог тебе разобраться с проблемой. Желаю удачи, мой юный друг, – Ильич встал, одел тапки с высокими носами, и зашаркал к выходу.

– До свидания, – вслед ему крикнул Тимур.

Какой человек, все-таки! Не даром, ох, не даром столько памятников ему понаставили на территории Советского Союза. Заслужил. Тимур, заряженный положительными эмоциями, забыл про усталость. Встал, и принялся энергично ходить по камере.

– Есть свежие истории? – спросил он сокамерников.

– Да, вроде нет. Все, что знали, уже пересказали, – ответил тот, который храпел всю ночь.

– Жаль. Ко мне сегодня должен прийти адвокат, обещал принести свежих анекдотов, – сообщил Тимур.

– Мы думали, что ты уже ходил к адвокату.

– Нет. Я тоже сперва думал, что вызывают к адвокату, но это меня вызывал...

Тимур осекся, никогда до сегодняшнего дня, он не жил

двойной жизнью. Никогда ему не приходилось скрывать свои мысли, стыдиться поступков, заводить сомнительные знакомства. А теперь придется переучиваться. О том, что с ним беседовал майор ФСБ и предлагал сделку, нельзя рассказывать никому. Вообще никому, даже самым близким друзьям. Разве только с мамой? А лучше всего, и ее не надо лишний раз расстраивать и беспокоить.

– Кто тебя вызывал? – спросил сосед по койке.

– Следователь вызывал, – ответил Тимур и присел на кровать.

Он понял, что едва не проговорился. Вот так легко, через десять минут после разговора, и уже на грани катастрофы. Если кто узнает, что Тимур пошел на сговор с тайной канцелярией, грош цена ему как протестному лидеру. Никто и никогда не поверит. В России генетическая неприязнь к стукачам и предателям.

– Что говорит следователь? – не на шутку прицепился сосед, как будто чувствуя что-то неладное.

– А? Следователь? – Тимур лихорадочно думал, что же сказать сокамерникам, – следователь говорит, что не хорошо ходить по несанкционированным митингам.

– Ты какой-то странный сегодня, – сообщил сосед.

– Да. Это точно. Не выспался я сегодня. Всю ночь у нас в камере храпел кто-то. Голова вообще не соображает, – отговорился Тимур.

– Да, толстый, ты бы поменьше храпел, – со всех сторон

полетели упреки в адрес храпящего сокамерника.

– Я не виноват. Что я могу сделать? – начал оправдываться тот.

– Я лучше прилягу, может подремлю немного, – сказал Тимур.

Он закрыл глаза. Надо теперь иметь запасной вариант объяснения, если такие встречи будут. Сказал бы, что встретился с адвокатом, что тот забыл про анекдоты. Да и все. Надо учиться врать. Вот первый неприятный итог сотрудничества со спецслужбами. И это только начало.

Адвокат в этот день к Тимурю не пришел. Наверное, был занят. Да и что Тимурю ему сказать? Советоваться с ним по поводу предложения ФСБ, тоже нельзя. Тимур лежал весь день и думал, как ему поступить. Тревожные мысли не прерывались даже во время обеда. Еда однообразная, невкусная, но вполне сытная. С голоду не умрешь, но не до вкусовых изысков, не ресторан на Тверской и не мамкины котлеты.

Тимур склонялся к принятию предложения майора ФСБ, чтобы продолжить политическую деятельность в предлагаемых обстоятельствах. Приняв решение Тимур успокоился, и умиротворено заснул. Храпа беспокойного соседа на этот раз не слышал, выспался и встал отдохнувшим и полным энергией.

Глава 8

Примерно в то же время, что и вчера Тимура вызвали на свидание. В той же комнате его ждал знакомый майор.

– Добрый день, Тимур Александрович, – майор бодренько встал и протянул руку для приветствия.

– Добрый день, Иван... – Тимур запнулся, пытаясь вспомнить отчество майора.

– Степанович, – помог ему майор.

– Да, Иван Степанович, – закончил приветствие Тимур.

– Как ваши дела? Как спалось? Приняли решение? – поинтересовался майор ФСБ.

– Да, принял, – с грустью ответил Тимур, где-то в глубине скребли кошки.

– Озвучите?

– Я принимаю ваше предложение, – сообщил Тимур.

– Ну, вот и славненько. Ну, вот и молодец, – улыбнулся майор, и потер руки как после хорошо сделанного дела, – я вас, Тимур Александрович, не буду заставлять подписывать какие-либо бумаги и обещания. Это не нужно. Мы же работаем на доверии. Правильно же я говорю?

– Наверное. Я не знаю, – ответил Тимур.

– Разумно, что сомневаетесь, – майор хитро подмигнул, – весь наш разговор и вчерашний, и сегодняшней я записал на диктофон. Нам этого достаточно, и вы должны знать, что

в архивах вечно будет храниться подтверждение вашего согласия на сотрудничество.

Майор достал из правого внутреннего кармана телефон. Актерски широким жестом нажал на кнопку диктофона, отключив его.

– Я сейчас зайду к вашему следователю. Попрошу, чтобы он изменил вам меру пресечения, как мы и договаривались. Я держу свое слово. Вы тоже должны держать обещание. Играть в двойные игры мы вам не позволим. Имейте это ввиду, – жестко добавил майор.

– Хорошо, – грустно ответил Тимур.

– И не вешайте нос. У вас жизнь, можно сказать заново начинается. Чего грустить-то? Посидите тут, не уходите, к вам минут через десять придет адвокат. Он был на входе, когда я пришел. Я хотел, чтобы сперва мы с вами обсудили наши договоренности. До свидания, Тимур Александрович, – майор запахнул костюм на одну пуговку, и, не подавая руки вышел, из комнаты.

Посидите тут. А куда ж я уйду-то? Кто меня отпустит? И вроде все правильно сделал, и все равно что-то не так. Ладно, выбора-то действительно нет. Поживем-увидим. Тимур встал, обошёл вокруг стола, изучая стены и потолок. Неожиданно открылась дверь и в комнату влетел адвокат:

– Тимур, приветствую тебя! Радостная новость. Мы победили!

– Здравствуй, Борис, – Тимур пожал руку адвокату, – что

случилось? Кого мы победили?

– Они испугались. Они просто испугались. У нас за последние три дня пятнадцать миллионов просмотров, сотни тысяч лайков, возмущение и негодования граждан растет, – Борис сиял как будто именно сейчас Германия подписала акт о капитуляции.

– С чего ты решил, что они испугались? – спросил Тимур, присаживаясь на стул.

– Они просто вынуждены, под давлением общественности, опустить тебя под домашний арест до дня суда, – триумфатор Борис не мог успокоиться, он подошел к Тимур и долго тряс его руку, – это наша маленькая победа. И это только начало! Мы перевернем этот мир!

– Хорошо, – ответил Тимур.

«Хорошо, что ты не знаешь какой ценой одержана победа», – подумал он про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.